

М.В. Ослон¹

Реконструкция працыганских указательных местоимений

Резюме. Цыганские указательные местоимения ('этот', 'тот') показывают большое разнообразие по диалектам. Количество указательных местоимений в некоторых живых диалектах довольно удивительно (например, в русскоцыганском их, по меньшей мере, 15), а по типу дейксиса они (в части диалектов) представляют собой четырёхчленную систему: 'этот [видимый]', 'тот [воображаемый]', 'этот самый [видимый, из двух и более]', 'тот самый [воображаемый, из двух и более]' (критерий близости-дальности во многих диалектах отсутствует или, возможно, вторичен), что убедительно показано Я. Матрасом, который предложил и историческую реконструкцию их праформ. Эта реконструкция Я. Матраса сейчас общепринята, однако она совершенно неприемлема с формальной точки зрения, ибо содержит нарушения сравнительно-исторической процедуры. В данной статье даётся обзор систем указательных местоимений в цыганских диалектах (насколько они описаны) и предлагается новая, более строгая реконструкция. В частности, мы восстанавливаем для працыганского как склоняемые, так и несклоняемые указательные местоимения, раскрываем их внутреннюю структуру и показываем, что все современные системы сводимы к единой працыганской, а количество новшеств в отдельных диалектах относительно невелико.

Условные обозначения:

*	реконструированная, не засвидетельствованная форма
**	не существующая (в некоторых случаях ожидаемая) форма
>	даёт фонетически
<	происходит фонетически из
⇒	преобразуется аналогически в
⇐	получено аналогически из
↔	претерпело аналогическое влияние со стороны
~	находится в свободном варьировании с
:	находится в отношении чередования с
+	сложение с
-	морфемная граница (менее тесная); граница части слова безотносительно типа границы
	морфемная граница (более тесная); конец общей части или начало конца слова

1. Внутренняя реконструкция

При обсуждении цыганских указательных местоимений 'тот', 'этот', 'это' и т.д. обычно пишут, что эта категория слов показывает огромное разнообразие по диалектам и что реконструкция первичного состояния затруднительна ввиду сложности и нерегулярности рефлексов. Если первое утверждение (о разнообразии) верно, то второе — вряд ли. На самом деле эти местоимения, — судя по всему, одна из самых регулярных, консервативных и единообразных частей цыганской морфологии.

1.1. Морфологическое устройство

Система цыганских указателей устроена следующим образом.

Все указатели содержат некие первообразные указательные частицы **a* и **o*, которые можно считать корнем, причём **a* — близкий указатель, **o* — дальний.² Эти частицы-корни

-
- 1 Работа выполнена при поддержке гранта «РГНФ» №16-34-01044: «Изучение и описание влашских диалектов цыганского языка в России». Благодарю Михаэла Бенишека, К.А. Кожанова, Светозара Лашина, Януша Панченко, Н.Б. Пименову, Жюльету Ротару, Галину Яворскую.
- 2 По-видимому, именно их можно обнаружить во всех диалектах в составе различных производных, ср., например, кэлд. *àle* 'на [бери]' (ср. *le!* 'бери!'); рус.-цыг., валл. и мн.др. *àke* 'вот'; рус.-цыг., валл. *òke* 'вон' (вторая часть **ke* неясна). Вероятно, **a* содержится также в звательных формах, ср. кэлд. *řòma!* 'цыган!' (от *řòm* 'цыган'), а **o*, возможно, употребляется как звательная частица (при окрике и т.п.), ср. кэлд. *ò řòma!* 'эй, цыган!' (тогда это что-то вроде 'эй там').

образуют два главных ряда указателей по типу дейксиса, причём не столько по близости-дальности, сколько (в большей части диалектов) по «плану»: действительности или речи [Matras 1994; Matras 1998]³.

Слева к корню *-a* или *-o* добавляется⁴ «префикс» — согласный *d-* или *k-*, что даёт ещё одно разветвление — по «фокусу» (в части диалектов): указание без выделения («неконтрастный» ряд) или с выделением одного из двух и более предметов («контрастный» ряд). Таким образом, получается четыре указателя:

<i>da</i>	*'этот, видимый'	<i>do</i>	*'тот, в рассказе'
<i>ka</i>	*'этот самый, видимый'	<i>ko</i>	*'тот самый, в рассказе'

Весь этот набор засвидетельствован, по меньшей мере, в одном диалекте — финско-цыганском, в остальных имеется его фрагменты, или он отсутствует.

К этим формам слева добавляется ещё один префикс — гласный, тот же, что в корне, так что получаются формы *ada, odo, aka, oko*. Такие формы можно толковать как 'вот этот' и т.д. К ним слева добавляется согласный *k-*: *kada, kaka, kodo* и т.д., что, очевидно, надо понимать как некое дополнительное уточнение, так что значение условно можно записать как 'вот этот вот' и т.д. Слева добавляется ещё один гласный, повторяющий коренной: *akada, *okodo* (только в неконтрастном ряду, т.е. не бывает ***akaka, **okoko*).

Все перечисленные местоимения неизменяемы, т.е. относятся к обоим родам и числам и не склоняются, ср. рус.-цыг. *da ròm* 'этот цыган', *da romny* 'эта цыганка', *da romà* 'эти цыгане', *da romès-ke* 'этому цыгану' (направительный падеж⁵).

Однако ко всем им справа добавляются «суффиксы». Первый из них — согласный (назовём его «личным суффиксом»), позволяющий различать роды и числа: *-v* (м.ед.), *-j* (ж.ед.), *-l* (мн. обоих родов). Часть таких местоимений может выступать в качестве личных, ср. крым. *òv* 'он', *òj* 'она', *òl* (наряду с *òn(e)*); об этой форме см. раздел 4) 'они'. В этом столбце представлены не все формы; часть из них выступает только в сложениях типа крым. *akav-khà* 'вот этот' [sic!]. Все эти местоимения склоняются (принимают падежные формы), т.е. образуют словоизменительные парадигмы. При этом косвенные формы этой парадигмы оформляются не личными суффиксами *-v, -j, -l*, а отрезками, тождественными соответствующим формам личных местоимений. Как и в парадигмах личных местоимений и артиклей (см. ниже), мы имеем здесь явный супплетивизм, ср. в части кэлдэрарских говоров м. *ko|v*, косв. *ko|lès*, ж. *ko|j*, косв. *ko|là*.

К формам (только прямым) с личным суффиксом справа добавляется ещё один суффикс — некое дейктическое «расширение» *-a*, а к косвенным формам он не добавляется.

Ниже в разделе 2 дан весь доступный нам материал, причём его имеет смысл организовать в виде таблиц. Таблица делится на четыре квадрата по двум уже упомянутым дихотомиям:

3 Термины «план действительности» и «план речи» — наши вольные переводы терминов Я. Матраса. Наш «план» соответствует его «Wissensquelle» («source of knowledge»); «план действительности» — «die situative Wirklichkeit (Wahrnehmungsraum)» («extra-linguistic, perceptual reality of the speech situation»); «план речи» — «die verbalisierte Rede» («intra-linguistic or conceptual reality established via the discourse context»). Обобщённо наш «план действительности» можно также соотносить с «ситуативным дейксисом», а «план речи» — с «текстуальным дейксисом» (и под. терминами).

4 Здесь глагол «добавляться» мы применяем исключительно в синхронном смысле (т.е. '[морфема] стоит справа/слева [от]...').

5 Традиционно в цыганском языкознании этот падеж называется «дательным», но мы (по крайней мере для части диалектов) выделяем отдельно дательный падеж (который в цыганском языкознании традиционно не отличают от винительного; косвенная форма без падежной клитики) и направительный (с падежной клитикой) [Ослон 2018: 373, 385].

- фокус: (1) неконтрастный (просто ‘этот’) и (2) контрастный (‘этот из двух и более’);
- план: (1) действительности (‘видимый’) ≈ ближний (‘рядом со мной’) и (2) речи (‘воображаемый’) ≈ дальний (‘далеко от меня’).

В каждом квадрате имеется ещё несколько столбцов (суффиксы) и строк (префиксы):

- суффиксы: (1) несклоняемые: \emptyset ; (2) личный суффикс: $-v/-j/-l$; (3) личный суффикс + расширение $-a$;
- префиксы: (1) без префикса: \emptyset ; (2) $C-$; (3) $VC-$; (4) $kVC-$; (5) $VkVC-$, где $C = d$ (в неконтрастном ряду) или $C = k$ (в контрастном ряду), $V = a$ (в плане действительности) или $V = o$ (в плане речи).

Предвосхищая делаемые ниже выводы, расположим в таблице все засвидетельствованные указательные местоимения, вписывающиеся в описанную структуру. Это пока что не результат внутренней реконструкции, а умозрительная разбивка (жирным выделены местоимения, имеющиеся хотя бы в двух разных группах диалектов). Это будет наша **начальная схема** («ЛС» = «личный суффикс»):

	+ ЛС		+ <i>a</i>	+ ЛС		+ <i>a</i>
	<i>a</i>	<i>a v j l</i>	<i>a va ja la</i>	<i>o</i>	<i>o v j l</i>	<i>o va ja la</i>
<i>d</i> _—	<i>da</i>		<i>da va ja la</i>	<i>do</i>		<i>do va ja la</i>
<i>d</i> _— <i>d</i> _—	<i>ada</i>	<i>ada v j l</i>	<i>ada va ja la</i>	<i>odo</i>	<i>odo v j l</i>	<i>odo va ja la</i>
<i>k</i> _— <i>d</i> _—	<i>kada</i>	<i>kada v j l</i>	<i>kada va ja la</i>	<i>kodo</i>	<i>kodo v j l</i>	<i>kodo va ja la</i>
<i>k</i> _— <i>d</i> _—	<i>akada</i>		<i>akada va ja la</i>	<i>okodo</i>		<i>okodo va ja la</i>
<i>k</i> _—	<i>ka</i>	<i>ka v j l</i>	<i>ka va ja la</i>	<i>ko</i>	<i>ko v j l</i>	<i>ko va ja la</i>
<i>k</i> _— <i>k</i> _—	<i>aka</i>	<i>aka v j l</i>	<i>aka va ja la</i>	<i>oko</i>	<i>oko v j l</i>	<i>oko va ja la</i>
<i>k</i> _— <i>k</i> _—	<i>*kaka</i>		<i>kaka va ja la</i>	<i>*koko</i>		<i>koko va ja la</i>
<i>k</i> _— <i>k</i> _—						

Итого 42 местоимения (включая личные), что удивительно много для какого-либо живого языка. Впрочем, в современных диалектах число указателей всегда меньше (по доступным нам данным максимум 16 в русскоцыганском и во влахыцком, что тоже немало). Надо сказать, что в современных диалектах не все эти формы представлены прямо в таком виде. Однако системные соображения позволяют сделать ряд простых экстраполяций. В целом структура местоимений прозрачна и сводима — при допущении небольшого числа аналогических изменений в отдельных дочерних системах — к обозначенной нами схеме.

1.2. Реконструкция Я. Матраса

Текущий подход к проблематике — выведение «кратких» форм из «долгих», т.е., например, *ka* воспринимается как редукция расширенной формы *kadava* и под. Такая идея впервые, кажется, возникла у Я. Матраса, который посвятил обзору и реконструкции цыганских указателей целую работу [Matras 2000], а потом развил её в [Matras 2002]. Здесь мы разберём его реконструкцию.

Матрас постулирует древние формы **ata*, ж. **ati*, мн. **ate* (ближний план) и м. **ota*, ж. **oti*, мн. **ote* (дальний план). Далее эти формы (берём ближний план) должны были перейти в **alo*, **ali*, **ale*, после чего к ним справа прибавилась ещё одна указательная частица **(h)a*, в результате чего имеем, по Матрасу, следующие преобразования в прямых формах [Matras 2000: 112; Matras 2002: 106–107]:

м.	<i>*ata</i> > <i>*alo</i> ;	<i>*alo-a</i> > <i>*alova</i>	> <i>*ava</i>
ж.	<i>*ati</i> > <i>*ali</i> ;	<i>*ali-a</i> > <i>*alija</i>	> <i>*aja</i>
мн.	<i>*ate</i> > <i>*ale</i> ;	<i>*ale-a</i>	> <i>*ala</i>

А косвенных формах — такие:

м.	<i>*atas</i>	> <i>*ales</i>
ж.	<i>*ata</i>	> <i>*ala</i>
мн.	<i>*atan</i>	> <i>*alen</i>

Параллельный набор дал и дальний план: **ova*, **oja*, **ola*. Ближний план остаточного виден в южнобалканских диалектах (*av-dives* ‘сегодня’ и *aj-rat* ‘этой ночью’ — с отпадением конечного гласного, но необязательно, ср. *ava-berš* в диалекте зарзари [Matras 2002: 108]), а дальний — повсеместно в личных местоимениях (*ov* ‘он’, *oj* ‘она’, **ol* > *on* ‘они’, тоже с отпадением конечного гласного) и в артикле (*o*, *i*, *ol*) [там же: 112].

Далее слева к этим формам добавились «местные указатели» («place deictics») *d-* и *k-*, что дало россыпь таких форм, как: *d-ava*, *d-aja*, *d-ala* и *k-ava*, *k-aja*, *k-ala* (и *d-ova* и т.д.). Затем слева добавились ещё раз те же местоимения (с отпадением конечного гласного), что дало **av-d-ava*, **aj-d-aja*, **al-d-ala* (и то же для дальнего плана, т.е. *ov-d-ova* и т.д.). Далее, видимо, эти левые местоимения должны были утратить согласный, что дало *adava*, *adaja*, *adala* (и *odova* и т.д.). Это первая версия реконструкции [Matras 2000: 111]. Во второй версии вместо этих местоимений он предлагает местоимения-наречия *adaj*, *akaj* ‘тут’ и *odoj*, *okoj* ‘там’, так что теперь **adaj-ava* > *adava* и т.д. [Matras 2002: 109].

Эта реконструкция принята цыгановедами и воспроизводится в ряде работ, например [Granqvist 2011: 343]. При этом, несмотря на её остроумность, она содержит ряд ошибок.

Слабое место реконструкции Матраса — историческая фонетика. Как видно, одинаковые праформы **ata* у него эволюционируют по-разному (м.прям. **alo* и ж.косв. **ala*). Возможно, Матрас просто не обозначил долгот на гласных (тогда вторая праформа — **atā*). Но все равно переход **ata* > **alo* совершенно невозможен, ибо цыганский исход *-o* получается из *-aka* (ср. др.-инд. *mandaka-* > цыг. *manřo* ‘хлеб’, соответствие хиндустанскому *-ā*). Дальнейшие выкладки тоже небезупречны: например, переход **alija* > **aja* через **l* > *j* представляется произвольным, поскольку он характерен лишь для северных цыганских диалектов. Как бы то ни было, видно, что невозможный переход **ata* > **alo* нужен Матрасу только для оправдания вставного *-v-* после губного (во «флексии» м. *-va*), не говоря о том, что в **alova* никак не может пасть *-l-*.

Что касается реконструкции падения *-a*, то, видимо, никаких оснований для неё на працыганском уровне нет ввиду повсеместно представленных форм с этим расширением *-a* (в т.ч. наряду с его отсутствием). Точно так же невозможен переход **aldala* > *adala* (в цыганском ничего подобного не бывает). Позднейшая версия реконструкции: **adajava* > *adava* — лучше ввиду вполне реального (и обязательного) стяжения (ср. **daja* > *da*, косв. от **daji* ‘мать’; тогда, например, **odojova* > *odova* — аналогия), однако теперь непонятно, как получить формы *dava* и т.п. — видимо, только отпадением первого гласного.

Мы вынуждены заключить, что реконструкция Я. Матраса грешит нарушениями сравнительно-исторической (компаративистской) процедуры и должна быть отвергнута. Помимо этого, вызывает сомнение правомерность возведения супплетивизма в парадигме (*ava*, косв. *ales*) к — явно нерегулярным — фонетическим переходам.

1.3. Предлагаемый анализ

Внутреннее устройство системы цыганских местоимений явствует из её синхронного

вида. Префиксы и корень — это неизменяемое указательное местоимение (наречного типа), а «личный суффикс» — изменяемое указательное местоимение.⁶ Верность такой трактовки видна из сопоставления в любом диалекте склонения указателей и личных местоимений. Итак, типичные цыганские указатели — это неизменяемая часть + личный суффикс + расширение. Имеем, например, такую типичную парадигму (в упрощённом и обобщённом виде; корень выделен жирным, личный суффикс отделён вертикальной чертой, расширение — дефисом); ниже приводим личные местоимения 3-го лица и определённый артикль:

‘этот’:	м.ед.	ж.ед.	мн.	
прям.	<i>ada v-à</i>	<i>ada j-à</i>	<i>ada l-à</i>	
косв.	<i>ada lè(s)</i>	<i>ada là</i>	<i>ada lè(n)</i>	
личное местоимение:				
прям.	<i>o v ‘он’</i>	<i>o j ‘она’</i>	<i>o l ‘они’</i>	(везде, кроме балк., обычно <i>on</i>)
косв.	<i>le(s)</i>	<i>la</i>	<i>le(n)</i>	
артикль:				
прям.	<i>o</i>	<i>i ~ e</i>	<i>ol ~ le ~ el</i>	
косв.	<i>le</i>	<i>la</i>	<i>le</i>	

Не вдаваясь здесь в подробности, заметим, что «личный суффикс» указательных и личных местоимений явно имеет много общего с артиклем (ниже мы попытаемся показать, что по происхождению личный суффикс тождественен артиклю; см. раздел 4).

Кроме того, из склонения *adavà* и т.д. очевидно, в частности, что омонимичные формы ж.косв. *adalà* и мн.прям. *adalà* различаются внутренней структурой (только во второй есть расширение *-a*, а в первой это часть личного суффикса).

Может показаться странным огромное число указателей. Эта трудность устраняется предположением о более или менее стабильных (но при этом свободных) сочетаниях слов типа ‘вот этот вот’ и т.п., часть из которых уже в працыганском опростилась (получила одно ударение). Так, в румынском имеем 15 указателей (включая личные местоимения), часть из которых имеет по несколько вариантов (даём только формы м.ед.; варианты через знак «=»):

	<i>*illu</i>	<i>_*hāc</i>	<i>*istu</i>	<i>_*hāc</i>
<i>*hāc+></i>	<i>āl = el</i>	<i>āl-a</i>	<i>āst = ist = iest</i>	<i>āst-a = ist-a = iest-a</i>
<i>*ecce+></i>	<i>(?) al</i>		<i>aist = aiest</i>	<i>aist-a = aiest-a</i>
<i>*hāc+*ecce+></i>	<i>cel</i>	<i>cel-a</i>	<i>cist (?) = cest</i>	<i>cest-a</i>
	<i>acel</i>	<i>acel-a</i>	<i>acest</i>	<i>acest-a</i>

Как видим, эта система очень похожа на цыганскую, хотя содержит меньше клеток. Здесь два корня (**ill-* и **ist-*; в цыганском тоже два), три префикса (*a-*, *c-*, *ac-*; в цыганском семь), падежное окончание и расширение (*-a*, в т.ч. в косвенных формах; в цыганском только в прямых). Формы с расширением *-a* (очевидно, поздним) имеют внутреннюю флексию, ср.:

6 Уже Миклошич дал намёк на решение: «Wenn man von dem alten Pronomen *ava* oder von *amu* ausgeht, so gelangt man zu *ov*: *av* wird demnach auf dem Boden des zig. entstanden sein» [Miklosich XI: 16] и «... *kadó* ist die Verbindung eines Adverbs *kada* mit dem Pronomen *o*, *e*, im. acc. m. *les* u.s.w. griech. *kadavá* m. *kadajá* f. *kadalá*, *kadalé* pl.» [Miklosich V: 25]. Сампсону это же было более или менее ясно: «The demonstrative pronouns proper, *akava* ‘hic’, *odova* ‘iste’, *okova* ‘ille’ [...] are based upon the adverbial stems *ak-*, *od-*, *ok-*, conjoined in the nominative with the stem *-ov* (*-av*) m., *-oi* (*-ai*) f., *-ol* (*-al*) pl. of the 3rd personal pronoun» [Sampson 1926: 163].

м.ед.прям.	<i>acést-a</i>	< *hāc + *ecce + *istu + *hāc
ж.ед.прям.	<i>aceást-a</i>	< *hāc + *ecce + *istā + *hāc
м.ед.косв.	<i>acéstui-a</i>	< *hāc + *ecce + *istuī + *hāc
ж.ед.косв.	<i>acéstei-a</i>	< *hāc + *ecce + *istaeī + *hāc
м.мн.прям.	<i>acésti-a</i>	< *hāc + *ecce + *istī + *hāc
ж.мн.прям.	<i>acéste-a</i>	< *hāc + *ecce + *istē + *hāc
(м.)мн.косв.	<i>acéstora</i>	< *hāc + *ecce + *istōru + *hāc

Похожим образом устроены системы всех романских языков. Типологически можно провести также параллель, например, с украинским: тоже два корня (*m-ой* и устар. *c-eū*), несколько префиксов (*o-той, он-той, от-сей* > *оуей* и др.) и суффиксов, не слившихся с самими местоимениями (*той гó, цей вó* и др.). В результате получаем довольно большое число комбинаций.

Очень интригующей особенностью цыганского языка является наличие особого местоимения-паразита («цеппы») *kova* (дальний ≈ речевой план; контрастный фокус; с суффиксом и расширением) ‘это самое’, ‘вещь’, ‘некто’ и т.п. Именно в таком значении оно характерно для многих диалектов, т.е. это значение, как ни странно, явно працыганское. Пример: рус.-цыг. *ad'ake kerésa o ková, o gonó* ‘так делаешь этот... мешок’ (соответствующие формы в обоих числах и родах) [Kozhanov рук.-в]. Бросается в глаза его морфологическая сложность: *k-o-v-a*. Однако ср. не менее сложное рус. *э-то само-е* в том же значении.

Наша рабочая гипотеза для внутренней реконструкции такова:

1. Первичны несклоняемые местоимения (об их географическом распределении и возможных возражениях см. раздел 3) с различными префиксами.
2. Несклоняемые местоимения превращаются в склоняемые с помощью личных суффиксов (каковые тождественны артиклю).
3. Расширение *-a* (только в прямых формах) — более позднее, т.е. нельзя выводить формы без него из форм с ним.

Это не более чем механическое следствие из данной нами выше начальной схемы. В приводимом ниже обзоре по диалектам мы будем отталкиваться именно от этого подхода и выявлять в каждом из диалектов доводы за и против него.

2. Обзор по диалектам

Здесь мы дадим в единообразном виде (такими же таблицами, как начальную схему) системы указателей из доступных нам описаний цыганских диалектов. В таблицы будем включать и личные местоимения — они подчеркнуты. Отклоняющиеся от начальной схемы отдельные части форм (гласные и согласные) также подчеркнуты.

2.1. Северная группа

Во всех диалектах северной группы имеется 1-й (несклоняемый) столбец, 2-й столбец представлен личными местоимениями дальнего плана, 3-й (с расширением *-a*) представлен более полно.

2.1.1. Северная группа: восточная подгруппа

В «северовосточных» диалектах (русскоцыганский, польскоцыганский, литовскоцыганский, лотфитка = латышскоцыганский) плотно заполнен неконтрастный ряд, в контраст-

НОМ — одна-две клетки.

Русскоцыганский (Россия, Украина) [Kozhanov рук.-в]:

	+ ЛС		+ ЛС	
		+ -a		+ -a
—			<i>jò v j nè</i>	
<i>d</i> _—	<i>da</i>	<i>da v à jà là</i>	<i>do</i>	<i>do v à jà là</i>
<i>—d</i>	<i>adà</i>	<i>ada v à jà là</i>	<i>odò</i>	<i>odo v à jà là</i>
<i>k</i> _— <i>d</i>	<i>kadà</i>	<i>kada v à jà là</i>	<i>kodò</i>	<i>kodo v à jà là</i>
<i>—k</i> _— <i>d</i>	<i>akadà</i>	<i>akada v à jà là</i>		
<i>k</i> _—				<i>ko v à jà là</i>
<i>—k</i> _—				
<i>k</i> _— <i>k</i> _—				

В контрастном ряду здесь есть только *kovà*. Это местоимение стоит особняком, т.к. применяется только как особое слово-паразит («цеппа») ‘этот самый’ — при подыскивании слова (так во многих диалектах).

Польскоцыганский (Польша): приводится только *dava, dova* [Matras 1999: 11].

Литовскоцыганский (Литва): *dava, adava, dova, odova* [Tenser 2005: 19], однако в [Tenser 2008: 94] для литовскоцыганского приводятся и *da, ada, do, odo* (неизменяемые), а также *ka-dava, kodova*⁷. Здесь нет некоторых форм, записанных Кожановым для русскоцыганского.⁸

Лотфитка (Латвия) [Mānušs 1997: 337]:

	+ ЛС		+ ЛС	
		+ -a		+ -a
—			<i>jò v j jõnè</i>	
<i>d</i> _—	<i>da</i>	<i>da v à jà là</i>	<i>do</i>	<i>do v à jà là</i>
<i>—d</i>	<i>adà</i>	<i>ada v à jà là</i>	<i>odò</i>	<i>odo v à jà là</i>
<i>k</i> _— <i>d</i>		<i>kada v à jà là</i>		
<i>—k</i> _— <i>d</i>		<i>akada v à jà là</i>		
<i>k</i> _—			<i>ko</i>	<i>ko v à jà là</i>
<i>—k</i> _—				
<i>k</i> _— <i>k</i> _—				

Из северовосточной группы только в лотфитка есть *ko* (пример: *pè ko svétòs* ‘на том свете’ [Mānušs 1997: 73]).

В последнее время неизменяемые местоимения⁹ многими рассматриваются как «упрощённые» из склоняемых (расширенных): «In all of the NE dialects there is an option of simplifying the inflected forms of demonstratives to (a)da and (o)do, which are not inflected for gender, number or case» [Tenser 2008: 94]. Эта идея, видимо, восходит к Матрасу. Не очень понятно, в чём именно должно заключаться такое «упрощение», и когда оно должно было

7 С контрастным значением — только в отдельных говорах, — которое по Тенсеру выражается приставкой *k-*.

8 Дело, наверное, в неполной описанности, ведь в прежних описаниях русскоцыганского тоже зафиксировано меньше местоимений, чем в новейшем [Кожанов рук.-в].

9 Неизменяемые местоимения (*aka*)*da* и т.д. видны также в рус.-цыг. (*a*)*dàdyves* ‘сегодня’, (*ak*)*adàsavo* ‘такой, этакий’.

произойти. Как бы то ни было, очевидно, что несклоняемые указатели восходят глубже, чем к «общесеверовосточному» состоянию, ибо имеются в финскоцыганском (причём не только в неконтрастном, но и в контрастном ряду).

2.1.2. Северная группа: прочие диалекты

Финскоцыганский («кале», Финляндия) [Granqvist 2009: 106]:

	+ ЛС	+ <i>-a</i>	+ ЛС	+ <i>-a</i>
–			<i>jo u i on</i>	
<i>d</i> _–	<i>da</i>	<i>da vva</i> ¹⁰ <i>la</i>	<i>do</i>	<i>do vva la</i>
<i>d</i> _–	<i>ada</i>	<i>ada vva la</i>	<i>ado</i>	<i>ado vva la</i>
<i>k</i> _– <i>d</i> _–				
<i>k</i> _– <i>d</i> _–				
<i>k</i> _–	<i>ka</i>		<i>ko</i>	<i>ko vva la</i>
<i>k</i> _–	<i>aka</i>		<i>ako</i>	
<i>k</i> _– <i>k</i> _–				

Самый левый гласный префикса здесь — всегда *a*-. Если считать это вторичным обобщением, то, например, *ako* ← **oko* (↔ *aka*). Сама неизменяемость вряд ли может считаться местным новшеством, т.к. (как и в других северных диалектах) здесь в доминирующем (финском) языке для него нет образцов. Влияние финского сказалось иначе: утрачено различение родов в расширенных формах, например: ед.м. = ж. *davva*, мн. *dala*.

Прочие северные диалекты дают меньший набор форм.

Синти (Германия) [Finck 1903: 31]:

	+ ЛС	+ <i>-a</i>	+ ЛС	+ <i>-a</i>
–			<i>jo v j n</i>	
<i>d</i> _–		<i>dá va ja le</i>		<i>dó va ja le</i>
<i>d</i> _–				
<i>k</i> _– <i>d</i> _–				
<i>k</i> _– <i>d</i> _–				
<i>k</i> _–		<i>ká va ja le</i>		<i>kó va ja le</i>
<i>k</i> _–				
<i>k</i> _– <i>k</i> _–				

В более позднем описании этого диалекта (другого говора?) отсутствует неконтрастный ряд (на *d*-), но есть «краткие» формы.

10 В [Granqvist 2011: 77] записано чуть иначе: *dauva*, *kouva* и т.д.

Синти (Германия) [Holzinger 1993: 74]:

	+ ЛС	+ -a	+ ЛС	+ -a
—			<i>j o b j n</i>	
<i>d</i> _—				
<i>—d</i> _—				
<i>k</i> _— <i>d</i> _—				
<i>—k</i> _— <i>d</i> _—				
<i>k</i> _—	<i>ka u j l</i>	<i>ka va ja le</i>	<i>ko j l</i>	<i>ko va ja le</i>
<i>—k</i> _—				
<i>k</i> _— <i>k</i> _—				

«Краткие» формы *ka|u* и т.д. ‘dieser’, *ko* и др. ‘jener’, которые Хольцингер считает сокращёнными вариантами *ka|va* и *ko|va* соответственно¹¹, однако это сомнительно, в т.ч. поскольку трудно понять, почему в немецкоязычной среде результатом «сокращения» расширенной формы на *-va должно быть [w]. Впрочем, мы не можем быть ни в чём уверены, не зная этого диалекта, тем более, что старое *-v (точно без расширения) > -b в личном местоимении (ср. ещё мануш ниже). Кроме того, здесь косвенные формы исходят на согласные (*kol* вм. **kole* и т.д.), так что дело действительно может быть в апокопе.

Мануш (Франция) [Calvet, Delvoye, Labalette 1970: 73]:

	+ ЛС	+ -a	+ ЛС	+ -a
—			<i>j op oj ōn</i>	
<i>d</i> _—				
<i>—d</i> _—				
<i>k</i> _— <i>d</i> _—				
<i>—k</i> _— <i>d</i> _—				
<i>k</i> _—	<i>ka j l</i>	<i>k āvā ajà alà</i>	<i>ko j l</i>	<i>k ōvā ojà olà</i>
<i>—k</i> _—				
<i>k</i> _— <i>k</i> _—				

Формы *ka* и *ko* вряд ли являются результатом стяжения расширенных форм, ср. в спряжении: *jō* («ž-ô») < **jāva* ‘я иду/пойду’, *jōs* («ž-ôš») < **jāvas* ‘я шёл’, что означает, что, например, **kāva* (если предположить оттянутое ударение) дало бы ***kō* (а не *ka*).

11 [Romlex] даёт синти *kej* ‘эта’, но источника этой формы мы найти не смогли.

2.1.3. Северная группа: реконструкция

Можно ли принять, что северо-восточные диалекты сохраняют старые местоимения, но не создают новых? Пожалуй, да, — ввиду регулярности: в них нет ни одного отклонения от нашей прозрачной схемы. Отклонение есть в финско-цыганском (*ako, ado* вм. **oko, *odo*, см. выше), но, кажется, его нетрудно списать на понятное обобщение.

Реконструкция для «прасеверного»:

	+ ЛС		+ -a	+ ЛС		+ -a
—				<i>jo v j n(e)</i>		
<i>d_</i>	<i>*da</i>		<i>*da va ja la</i>	<i>*do</i>		<i>*do va ja la</i>
<i>_d_</i>	<i>*ada</i>		<i>*ada va ja la</i>	<i>*odo</i>		<i>*odo va ja la</i>
<i>k_d_</i>	<i>*kada</i>		<i>*kada va ja la</i>			<i>*kodo va ja la</i>
<i>k_d_</i>	<i>*akada</i>		<i>*akada va ja la</i>			
<i>k_</i>	<i>*ka</i>	(?) <i>*ka v j l</i>		<i>*ko</i>	(?) <i>*ko v j l</i>	<i>*ko va ja la</i>
<i>_k_</i>	<i>*aka</i>			<i>*oko</i>		
<i>k_k_</i>						

К северной группе по ряду признаков так или иначе примыкает ныне мёртвый валлийский диалект (см. 2.6). При этом, однако, набор указателей в этом диалекте не очень близок к северным. С синти (в описании Финка) совпадают указатели доленьского диалекта (не относимого ни к какой группе, см. 2.6).

2.2. Балканская группа

Балканские диалекты менее однородны, чем северные. В них заполнены все четыре квадрата (меньшим числом форм, чем в северных) и имеются формы с каким-то особым расширением *-kha*. Только в балканских диалектах есть местоимение *av, aj, al*, выступающее, как и *ov, oj, ol (on)*, в роли личных.

2.2.1. Балканская группа: южная подгруппа

Крымский (Украина, Россия) [Торопов 2003]:

	+ ЛС		+ -a	+ ЛС		+ -a
—	<i>a v- j- **</i>			<i>o v j l~n</i>		
<i>d_</i>						
<i>_d_</i>	<i>adà</i>	<i>ada v- j- l-</i>	<i>ada và jà là</i>	<i>odà</i>		<i>odo va ja la</i>
<i>k_d_</i>						
<i>k_d_</i>						
<i>k_</i>						<i>ko va ja la</i>
<i>_k_</i>	<i>akà</i>	<i>aka v- j- l-</i>	<i>aka và jà là</i>	<i>okà</i>	<i>oko v- j- l-</i>	<i>oko va ja la</i>
<i>k_k_</i>						

Местоимения *av-* и *aj-* содержатся только в *av-d'ès* 'сегодня', *aj-r'àt* 'этой ночью'. Имеется

несклоняемое местоимение-существительное *adà* 'вот то', а также *okà* 'вот этот' (аттрибутивно? несклоняемо?).

Три местоимения второго столбца (как *av*, *ov* — без расширения *-a*): содержат какое-то, видимо, сугубо балканское расширение *-kha*: *adav-khà*, *adaj-khà*, *adal-khà*; также *akav-khà* и *okov-khà*. Как видим, они параллельны формам с расширением *-a*. Однако расширение *-kha* присутствует и в косвенных формах и само склоняется: ср.:

	м.	ж.	мн.	м.	ж.	мн.
прям.	<i>akav-à</i>	<i>akaj-à</i>	<i>akal-à</i>	<i>akav-khà</i>	<i>akaj-khà</i>	<i>akal-khà</i>
косв.	<i>akalè</i>	<i>akalè</i>	<i>akalè</i>	<i>akal-khè</i>	<i>akal-khè</i>	<i>akal-khè</i>

Косвенная форма тут вторично общая для обоих родов, в т.ч. ж. ед. *akalè* \Leftarrow **akalà*.

Подобная система с расширением *-kha*, — судя по всему, в близкородственном урсарском: *adaɯkha*, *adajkha* и т.д. [Miklosich XI: 18]. Урсарские данные скудны, но известны формы (отсутствующие в крымском) м. *kava* [Кантя 1970: 28], мн. *kala* [28] и, видимо, какие-то остатки местоимения на *k-* (в роли артикля, калькирующего рум. *cel*?), ср. «Кана рэстэ кэ [?] рат кэ бэршэстири кэ нэвестири...» 'когда настала новогодняя ночь' [28], «...уштино ко машкар кэ ратякоро...» 'встал в полночь' [31].

Западно-болгарский (Болгария) [Minkov 1997: 77]:

	+ ЛС	+ <i>-a</i>	+ ЛС	+ <i>-a</i>
—			<i>o v j l</i>	
<i>d</i>	<i>dav-</i>			
<i>d</i>	<i>adav-</i>	<i>ada va a la</i>		<i>odo va a la</i>
<i>k d</i>				
<i>k d</i>				
<i>k</i>	<i>kav-</i>	<i>ka va a la</i>		<i>ko va a la</i>
<i>k</i>	<i>akav-</i>	<i>aka va a la</i>		<i>oko va a la</i>
<i>k k</i>				

По-видимому, это не все формы: «The following is an attempt at presenting some of the most common forms. It must be noted that this presentation is prescriptive to some extent. In actual speech, various crosses, analogous forms and contaminations are often heard» [Minkov 1997: 77].

В одном из двух описываемых Минковым западно-болгарских говоров косвенные формы потеснены прямыми [там же] (болгарское влияние?).

Склонение — то же, что в крымском, только вторично косв.мн. = прям.мн. (*a*)*kalà*.

Местоимение *ková* — не указательное, а вопросительное 'кто' (неясно, как это могло получиться).

Софийский эрли (София, Болгария) [Boretzky 1998: 135]:

	+ ЛС	+ <i>-a</i>	+ ЛС	+ <i>-a</i>
–			<u>o</u> v j l	
<u>d</u> <u>d</u> <u>k</u> <u>d</u> <u>k</u> <u>d</u>	ad av- i- al-		od ov- i- ol-	
<u>k</u> <u>k</u> <u>k</u> <u>k</u>	ak av- i- al- *aka va a la		ok ov- i- al-	ko va a la oko va a la

Формы с расширением имеют внутреннюю флексию, напр. *okolké-da* (в описании не вполне ясно).

«Dazu kommen auch einige kürzere Formen wie *koja blel* (zu *kova*), *odi blel* (zu *odova*) vor. Wie es scheint, ist das zu erwartende fem. *-oj(a)* bzw. *-aja* zu *i* kontrahiert worden» [Boretzky 1998: 135], а форма *odi* относится не к *odova*, а к *odov*. Значит, это в.м. *odoj*.

Местоимение *ková* и указательное, и вопросительное 'кто'.

Айос-Афанасиос (Салоники, Греция) [Sechidou 2011: 41]:

	+ ЛС	+ <i>-a</i>	+ ЛС	+ <i>-a</i>
–	a v j l		<u>o</u> v j l	
<u>d</u> <u>d</u> <u>k</u> <u>d</u> <u>k</u> <u>d</u>	adav- ada va a la		odov- odo va a la	
<u>k</u> <u>k</u> <u>k</u> <u>k</u>		ka va a la aka va a la		oko va a la

Здесь формы с расширением *-kha* утратили «внутреннюю» флексию в пользу мужского рода: м. *adafk|a/o* ж. |a, мн. |e; так же *odofk|a/o*.

Из диалектов с новым расширением *-k(h)a* особняком стоит «румелийский» диалект, описанный в XIX в. Прямые потомки этого диалекта, кажется, неизвестны. Более того, непонятно насколько точно это описание; в него вошёл явно не один диалект (видимо, два).

Румелийский (Турция) [Paspati 1870]:

	+ ЛС	+ -a	+ ЛС	+ -a
—	<i>aj</i>	?	<i>o v j l</i>	?
<i>d</i> _— <i>d</i> _— <i>k</i> _— <i>d</i> _— <i>k</i> _— <i>d</i> _—	<i>kada va ja la</i>		<i>odo va ja la</i>	
<i>k</i> _— <i>k</i> _— <i>k</i> _— <i>k</i> _—	? <i>akav-</i>	<i>ak á já lé</i>	? <i>okov-</i>	<i>ok á já lé</i>

Румелийская система резко выделяется среди балканских диалектов. Имеются четыре группы форм: (1) *kadava*, *odova* — вписывающиеся в начальную схему, (2) *akavk|á|ja|le*¹², так же *okovka* — с новым балканским расширением, с утратой внутренней флексии и с неясной аналогией, м.б., с переносом флексии из корня в расширение, т.е., скажем: ж.**akaj-ka* ⇒ *akav-kja*, (3) *avak|á|ja|le*, *ovok|á|ja|le* — то же, но с совсем неясным строением, как будто метатеза (?)¹³; *ak|á|já|lé*, где как будто налицо *-ava* > *-a*, *-aja* > *-ja*, **ale* > *-le* (неясно).

Как заметил Миклошич [Miklosich XI: 17], Паспати даёт (в текстах) и *akavá*, *oková* [Paspati 1870: 10]. Может быть, это другой диалект — влашский (?) [Matras ?]. О местоимении *kada|va|ia|la* Паспати пишет «progre aux Nom. Záparis» [Paspati 1870: 72], т.е. кочевникам, которые, кажется, говорили на другом, в меньшей степени вошедшем в описание диалекте. Есть и неясные *akatón*, *akatái* [Paspati 1870: 71] с неясным *-t-* (в других диалектах нам этот элемент неизвестен).

[Miklosich XI: 17] считает, что было и *ako* (Паспати-де неверно записал «ак'о»).

Паракаламос (Греция) [Matras 2003: 78]:

	+ ЛС	+ -a	+ ЛС	+ -a
—	<i>a va ja la</i>		<i>o v j l</i>	<i>o va ja la</i>
<i>d</i> _— <i>d</i> _— <i>k</i> _— <i>d</i> _— <i>k</i> _— <i>d</i> _—	<i>ada</i>			
<i>k</i> _— <i>k</i> _— <i>k</i> _— <i>k</i> _—	<i>aka và jà là</i>		<i>oko va ja la</i>	

Видимо, в этом диалекте имеется (неизменяемое) местоимение-существительное *ada*: «ER set **ada* apparently dissappeared, но *pe ada* 'therefore'» [Matras 2003: 78]. Ввиду отсутствия других форм м.ед. без *-va* небесмысленно усматривать в этом архаизм.

12 Паспати пишет ж.ед. «*akavkia*» и «*akavkhia*».

13 Форма *avaká* наверняка не может содержать старого **ava* ввиду *ovoka*.

Сепечидес (Турция) [Cech, Heinschink 1999: 33]:

	+ ЛС	+ -a	+ ЛС	+ -a
–			<u>vo v j n</u>	
<u>d</u> <u>d</u> <u>k</u> <u>d</u> <u>k</u> <u>d</u>		<i>ada va ja la</i>		<i>od o uva ija ola</i>
<u>k</u> <u>k</u> <u>k</u> <u>k</u>		<i>ka va ja la</i> <i>aka va ja la</i>		<i>k o uva oja ola</i> <i>ok o uva oja ola</i>

Здесь не наблюдается ничего, не вписывающегося в начальную схему. Колебание *kova* ~ *kuva* может иметь фонетическую природу (ср. ниже влашские).

Арли (Македония, Косово) [Boretzky 1996: 14]:

	+ ЛС	+ -a	+ ЛС	+ -a
–			<u>o v j n</u>	
<u>d</u> <u>d</u> <u>k</u> <u>d</u> <u>k</u> <u>d</u>		<i>ada va ja la</i>		<i>odo va ja la</i>
<u>k</u> <u>k</u> <u>k</u> <u>k</u>		<i>aka va ja la</i>		<i>ko va ja la</i> <i>oko va ja la</i>

Колебания в ж.: *akaja* ~ *akeja*, *adaja* ~ *adeja*, *odoja* ~ *odeja*, *okoja* ~ *okeja/okija*, синкопа в мн. *odla* ~ *odola*.

Особое значение *kova*: «Nur als selbständiges Element scheint *kova* (*kovas* Gi.), pl. *kola*, auch *kaja* vorzukommen, oft als bloßes Flickwort; vgl. *o kola* ‘die Sachen’, *nešto kova* ‘irgendeine Sache’, *dajek kova* ‘eine Sache’» [Boretzky 1996: 14].

Зарзари (Иран) [Baghbidi 2003: 133]:

	+ ЛС	+ -a	+ ЛС	+ -a
–		<u>āvā aja ālā</u>		<u>ovā oja olā</u>
<u>d</u> <u>d</u> <u>k</u> <u>d</u> <u>k</u> <u>d</u>				
<u>k</u> <u>k</u> <u>k</u> <u>k</u>	<i>ka</i>	<i>k āvā aja ālā</i> <i>āk āvā aja ālā</i>	<i>ko</i>	<i>k ovā oja olā</i> <i>ok ovā oja olā</i>

В более раннем описании [Windfuhr 1970: 276] есть также формы *ka* и *ko* (без расширения) причём они склоняются (косв. *kas* и *kos*), но подробности неясны.

2.2.2. Балканская группа: северная подгруппа

Бугурджи (Косово) [Boretsky 1993: 47]

	+ ЛС	+ -a	+ ЛС	+ -a
–			<i>o v j n</i>	
<i>d</i> _–				
<i>d</i> _–				
<i>k</i> _– <i>d</i> _–	<i>kad à jà là</i>		<i>kod à jà là</i>	
<i>k</i> _– <i>d</i> _–				
<i>k</i> _–	<i>ka và jà là</i>		<i>ko và jà là</i>	
<i>k</i> _–	<i>aka và jà là</i>		<i>oko và jà là</i>	
<i>k</i> _– <i>k</i> _–	<i>kak a jà alà</i>		<i>ko/uk a jà alà</i>	

Здесь непонятно отсутствие ****kadava**, ****kodova**, ****kakava**, ****kokova** (вместо них *kada* и т.д.). Обобщение несклоняемых или неясное нам стяжение? Совершенно неясно.

Обобщённый литературный язык арли, джамбази, бугурджи [Кепески, Jusuf 1980: 78] — *(a)ka|và*, *(o)ko|và*.

2.2.3. Балканская группа: реконструкция

Здесь мы видим много форм. В первом столбце (неизменяемые) — очень гадательно. Во втором (без *-a*) — только в составе более длинных форм, ни разу автономно.

Реконструкция для «прабалканского»:

	+ ЛС	+ -a	+ ЛС	+ -a
–	<i>*a v j l</i>		<i>*o v j l~n</i>	
	<i>*a va ja la</i>		<i>*o va ja la</i>	
<i>d</i> _–	<i>*da v j l</i>			
<i>d</i> _–	<i>*ada</i>	<i>*ada v j l</i>	<i>*oda</i>	?
<i>k</i> _– <i>d</i> _–		<i>*ada va ja la</i>		<i>*odo va ia la</i>
<i>k</i> _– <i>d</i> _–				
<i>k</i> _–	<i>*ka v- j- l-</i>	<i>*ka va ja la</i>		
<i>k</i> _–	<i>*aka</i>	<i>*aka v- j- l-</i>	<i>*oka</i>	<i>*oko v j l</i>
<i>k</i> _–		<i>*aka va ja la</i>		<i>*oko va ja la</i>
<i>k</i> _– <i>k</i> _–		<i>*kaka va ja la</i>		<i>*oko va ja la</i>

2.3. Северновлашская группа

В северновлашском все указатели, кроме личных местоимений, начинаются на *k-*. В ряде сложений имеем *a-* (кэлд. *a-d'ès* 'сегодня'). В этих диалектах имели место характерные звукопереходы, изменившие в т.ч. облик указателей.

Прежде чем приступить к обзору систем, необходимо совершить небольшой экскурс в историческую фонетику. Речь идёт о такой яркой черте влашских диалектов, как дифтонг *ej* на месте *aj* во всех остальных диалектах. Эта черта считается одним из оснований для выделения влашской группы (объединяющей северновлашскую и южновлашскую). При этом материал, на котором замечена эта звукомена, более чем скуден: это всего два слова: *dej* (др. диал. *daj*) 'мать' и *čej*, *šej* (др. диал. *č(h)aj*) 'дева, дочь'. Само это явление трактуется как замена дифтонга *aj* на *ej*, причём лексически ограниченная, ввиду наличия во влашском *raj* 'господин', *phabaj* 'яблоко' и т.д. [Boretzky 2003: 16].

На самом деле очевидно, что если речь идёт о фонетической звукомене, то её можно определить без лексического ограничения: в обоих приведённых словах могла иметь место перегласовка при стяжении с окончанием *-i* («умляют»): **dāji* > сев.-влаш. *dej*; **čhāji* > *čej*, в отличие от *raj* и др., где никогда не было окончания *-i*. Если так, то в качестве працыганских форм нельзя давать **daj* и **čhaj*, как это обычно делается, ср., например, [Matras 2004: 25], и тогда выявляются по крайней мере два слова, чью форму для працыганского очевидно нельзя просто копировать из какого-либо из современных цыганских диалектов.

Праформа древнеиндийского уровня для **čhāji* более или менее понятна: это слово относится к корню **chāp-*, известного из среднеиндийского, в т.ч. **chāpī* ж. (ср. пали *chāpī*), женский род от **chāpa-* (пали *chāpa-*) 'young of an animal' [Т: 5026], давшего множество рефлексов в современных индийских языках, в т.ч. от уменьшительного производного **chāpaka-*, ср. хиндустан. *chāwā* м. 'young of any animal, young elephant of 10 to 20 years'; ст.-гудж. *chāvai* м. 'young man'. Форма **chāpaka-* без сомнений дала цыг. *čhavo* 'сын, парень' (одно из значений = ст.-гудж. 'парень'), кэлд. (и нек. др. сев.-влаш.) *šav* (с закономерным *-vo* > *-v*).

Таким образом, для слова *čej* условием перегласовки могло быть окончание др.-инд. *-ī* > **-i* > цыг. \emptyset (ср. др.-инд. *bhaginī* > цыг. *phen* 'сестра'), а не уменьшительное *-ikā* > **-ij* > цыг. *-i* (ср. **jivatikā* > *jvli* 'женщина') соответствующее м. *-aka* > **aɟ* > цыг. *-o* (ср. *maṇḍaka-* > *manřo* 'хлеб'). Если так, то смущает непараллелизм **chāpaka-* > *čhavo* 'парень' и **chāpī* (а не **chāpikā*) > *čaj/čej* 'девушка, дочь', однако это не может быть непреодолимой трудностью. Кроме того, перегласовку перед др.-инд. **-ī* следует датировать весьма древним периодом, т.к. это окончание, вероятно, отпало довольно рано.

Что касается слова *daj/dej* 'мать', то его этимология совершенно неясна. Напрашивается сравнение с цыг. *dad* 'отец'¹⁴, распространённым в новоиндийских языках (**dadda-* [Т: 6261]), но словообразовательное отношение 'отца' с 'матерью' в цыганском совершенно непонятно (ведь двойное **-dd-*, кажется, не могло пасть).

Если усматривать в обсуждаемой перегласовке фонетическое явление (ср. ещё послелог «родительного падежа» **kārija-* > ср.-инд. *kera-* [Tahare 1948: 61] — гласный *-e-* во всех цыганских диалектах и новоиндийских языках), то всё равно непонятно, насколько надёжна «влашская перегласовка» для классификации цыганских диалектов, будучи основана лишь на двух словах из одного семантического поля: 'мать', 'дочь' (где может быть аналогия вплоть до рифмы). Однако очевидно, что эти два слова составляют важную изоглоссу, отделяющую

14 В северновлашском слово *dad* 'отец' имеет во множественном числе окончание *-à*, что указывает на древний средний род [Ослон 2012] и поэтому оно загадочно. Впрочем, такую же особенность показывает ещё одно обозначение мужчин (?): *rašaj* 'священник' (заимствование из какого-то другого индийского языка, м.б., санскритизм, с неясной морфологией), кэлд. мн. *rašà* < **rāšāiā* (ср. ожидаемое нулевое окончание кэлд. мн. *raj* 'представители власти; милиция' < **rāja* < **rājās* в м. др.-инд. *rājānah* 'цари').

все влашские диалекты от иных, притом что сами влашские диалекты показывают и другие общие свойства, в т.ч. ареальные (влияние румынского языка).

Но есть ещё одно слово, где налицо влашская перегласовка. Это форма женского рода *kadej* (имеющаяся в части северновлашских диалектов) указательного местоимения **kadav*. Без перегласовки она предстаёт в виде *kadaj* во многих других диалектах.

Кроме того, есть формы, где следы перегласовки видны только по косвенным рефлексам. Для их выявления надо знать, что в северновлашских диалектах прошло два стяжения слогов:

- (1) **eja* > *ēa* > *'ä* (видимо, независимо от ударения)
 (2) **āca* > *o* (видимо, только при ударении на первом из слогов)

«Первое северновлашское стяжение» имело место, очевидно, после полной встройки северновлашских диалектов в фонетическую систему румынских диалектов (и их подчинения румынской, в т.ч. региональной, фонетической эволюции), ср. характерный румынский дифтонг *ēa*. По крайней мере в части северновлашских диалектов он упростился в *ä*. На стадии */ä/* задержались некоторые диалекты, в т.ч. раховский [Ослон рук.-а], а в большинстве эта фонема слилась с */a/* (с мягкостью предшествующего согласного)¹⁵ или (реже) с */e/* (так в «буковинском», см. ниже).

По этим цыганским рефлексам мы можем выявить первый компонент этого дифтонга (до стяжения) — **e* < **a*. Одно такое исконное (индийское) слово, не замеченное в работах, в котором мы усматриваем перегласовку, — это кэлд. *s'à*, рах. *sà* 'всё' < **seja* < **sej* + некое **a* (мн.?.; само это **sej*, — скорее всего, ж.ед. от *sa(v)* 'весь' < др.-инд. *sarva-*).

Второй случай (точнее, группа случаев) — указательные местоимения. Никак иначе, кроме как перегласовкой, нельзя объяснить формы типа кэлд. *kad'à* 'эта' < **kadä* < **kadeja* < *kadej* + **a* (притом что само это *kadej* < (?) **kādāji* сохраняется лишь в части северновлашских диалектов).

Кроме *kadēj*, есть ещё одна форма женского рода, которая выявляется по весьма скудным рефлексам в «буковинском» диалекте, а именно *t'èver* 'другая' < **kàver* < **kèj-avèr* букв. 'эта другая' (в этом диалекте **ä* > *e*; о форме **kej* см. ниже).

«Второе северновлашское стяжение», кажется, не имеет отношения к румынской фонетике (?). В полной мере оно отражается только в части северновлашских диалектов. Так, оно регулярно в глагольных формах в ловарском и раховском диалектах, ср. лов. **xáuas* > *xos* 'я ел'; *xáua* > *xo* 'я буду есть'. В этом стяжении важно ударение — *-avá* не стягивается, ср. лов., рах. *aváv* (не ***ov*) 'прихожу'. В прочих диалектах, в т.ч. в кэлдэрарском, в глаголах это стяжение не проявляется, ср. кэлд. *xávas*, *xáva*. Можно было бы думать, что там стяжения не было, однако наличие почти во всём северновлашском указателей м.ед. *kadò*, *kakò* '(э)тот' и др. на месте ожидаемых *kadava*, *kakava* (а иногда параллельно с ними) наводит на мысль, что стяжение **āca* > *o* прошло везде, но в части говоров в глаголах имел место откат этого стяжения ради восстановления прозрачности парадигмы.

2.3.1. Северновлашская группа: говоры «кэлдэрарского типа»

Как ни странно, разнообразие систем указательных местоимений в пределах только кэлдэрар сравнимо с таковым для других «полноценных» групп. Вообще, само понятие «кэлдэрарского» диалекта довольно условно, но можно говорить о говорах «кэлдэрарского

15 В кэлдэрарском (и нек. др., если не во всех северновлашских диалектах) эта монофтонгизация имела фонологические ограничения. Так, она невозможна после непарных твёрдых согласных, поэтому: *dilèja* > *dil'à* 'дурак!' (редко сохраняется *dilèja*), но только *čořàja* 'бедняк!', причём после согласных, смягчившихся либо поздно, либо с колебаниями, налицо параллельные варианты: *phur'à* ~ *phuràja* 'старик!' [Ослон 2018: 125].

типа»¹⁶. Здесь приводим все данные только из описаний говоров, носители которых называют себя кэлдэрами (или «калдэрашами»):

Кэлдэрарский (Россия, Украина) [Ослон 2018]:

	+ ЛС	+ <i>a</i>	+ ЛС	+ <i>a</i>
—	<i>a-</i>		<i>vò</i> <i>j</i> <i>n</i>	
<i>d</i> _—				
<i>d</i> _—				
<i>k</i> _— <i>d</i> _—		<i>ka</i> <i>dò</i> <i>d'à</i> <i>dalà</i>		<i>ko</i> <i>dò</i> <i>d'à</i> <i>dolà</i>
<i>k</i> _— <i>d</i> _—				
<i>k</i> _—		<i>ka</i> <i>j</i> <i>l</i>	<i>ko</i> <i>j</i> <i>l</i>	** ** <i>ko</i> <i>là</i>
<i>k</i> _—				
<i>k</i> _— <i>k</i> _—		<i>ka</i> <i>kò</i> <i>t'à</i> <i>kalà</i>		<i>ku</i> <i>kò</i> <i>t'à</i> <i>kolà</i>

Та же система в очень близком кэлдэрарском говоре [Демертер, Демертер 1990]. Личное местоимение 'он' — с факультативным сохранением личного суффикса в прямой форме: *vo* ~ *vov*. Кажется, в этом говоре *kol* может быть косв.мн.: *kol desàn-ca* 'несколько дней назад' (см. ниже о шведском говоре).

Кэлдэрарский (Швеция) [Gjerdman, Ljungberg 1963: 94]

	+ ЛС	+ <i>a</i>	+ ЛС	+ <i>a</i>
—	<i>a-</i>		<i>vò</i> <i>j</i> <i>n</i>	
<i>d</i> _—				
<i>d</i> _—				
<i>k</i> _— <i>d</i> _—		<i>k/ga</i> <i>dò</i> <i>dɛ̀à</i> <i>dalà/è</i>		<i>k/go</i> <i>dò</i> <i>dɛ̀à</i> <i>dolà/è</i>
<i>k</i> _— <i>d</i> _—				
<i>k</i> _—		<i>ka</i> <i>j</i> <i>l</i>	<i>ko</i> <i>j</i> <i>l</i>	<i>ko</i> <i>và</i> <i>jà</i> <i>là</i>
<i>k</i> _—				
<i>k</i> _— <i>k</i> _—		<i>ka</i> <i>kò</i> <i>tšà</i> <i>kalà/è</i>		<i>ku</i> <i>kò</i> <i>tšà</i> <i>kolà/è</i>

Корень *a-* для обоих родов в сложениях: *a-djēs* 'сегодня', *a-reät* 'этой ночью'. Косв. *kol šavés* 'that boy', *kol djēsendar* 'the day before yesterday' (видимо, неверный перевод). Здесь, наряду с *kado*, *kodo*, представлены формы с *g-*: *gado*, *godo* — неясное озвончение, характерное для кишинёвского (части лэешского) и части кэлдэрарского.

Местоимение *kova* выступает в своём особом значении: «...is declined only substantivally and which often is used in the sense of 'person' or 'thing', e.g. *so kan kɛ̀rél kovà?* what will that one

16 По-видимому, к единому прадиалекту восходят говоры, к чьим носителям сейчас относятся эндонимы или экзонимы (приводим их в условной русской транслитерации): *кэлдэра́ря* (*калдэра́ша*) ['котельщики'], *чэ́кэна́ря* ['кузнецы'], *ла́эшы* (*лэ́цы*) ['бродяги'] и нек. др. Вероятно, сами говоры были распределены географически (на территории нынешних Румынии и Молдавии), а в каждом регионе было актуально социальное деление на оседлых и бродячих ремесленников. Так, современные кишинёвцы («формально» не кэлдэра́ры) являются потомками выходцев из Молдовы (бывшей Молдавской ССР), причём оставшиеся в самой Молдове носители этого диалекта называются *лэ́шы* (бывшие 'бродячие'?), а носители очень близкого говора в г. Сороки — *чэ́кэна́ря* ('кузнецы' — оседлые?). Параллельная ситуация: у «советских» кэлдэра́р (котляров) сейчас выделяются две группы: *молдова́я* (эндоним и экзоним) и *лэ́цы* (только экзоним, частичное пейоративный, применяемый представителями молдовая в первую очередь к другим кэлдэра́рам).

(that person) do?; *sas les ka l pɪnré sastrune kola* he had those iron things around his feet; *kasavó ková* one of those things; *kakalé koléngé* that sort of» [Gjerdman, Ljungberg 1963: 95].

Кэлдэрарский (Франция) [Calvet 2009]:

	+ ЛС	+ <i>-a</i>	+ ЛС	+ <i>-a</i>
–	<i>a-</i>		<i>vò j n</i>	
<i>d</i> _–				
<i>d</i> _–				
<i>k</i> _– <i>d</i> _–		<i>ka dò djà dalà</i>		<i>ko dò djà dolà</i>
<i>k</i> _– <i>d</i> _–				
<i>k</i> _–	<i>ka ǔ j l</i>		<i>ko j l</i>	
<i>k</i> _–				
<i>k</i> _– <i>k</i> _–		<i>ka kò čà kalà</i>		<i>ku kò čà kolà</i>

Как видно, местоимение *kaǔ* (в нашей стандартной записи *kav*) содержит личный суффикс. Фонетически эта форма ведёт себя так же, как сочетание лжепредлога¹⁷ *ka* + артикль *o*. В части говоров *o* после *-a* бесследно падает, ср. в части говоров кэлд. *ka řòm* (< *ka o řòm*) [Ослон 2018: 199], но во французском кэлд. *ka o řom* [Calvet 2009: 153]. В этих говорах форма местоимения — *ka* и *kaǔ* («кай»)¹⁸ соответственно.

Кэлдэрарский (Сербия) [Boretzky 1994: 54]:

	+ ЛС	+ <i>-a</i>	+ ЛС	+ <i>-a</i>
–	<i>a-</i>		<i>vò (v) j n</i>	
<i>d</i> _–				
<i>d</i> _–				
<i>k</i> _– <i>d</i> _–	? <i>kade(j)</i> ?	<i>kad avà ~ ò eja olà</i>	? <i>kode(j)</i> ?	<i>kod ovà ~ ò ojà alà</i>
<i>k</i> _– <i>d</i> _–				
<i>k</i> _–	? <i>ka j</i> ?	<i>ka và jà là</i>	<i>ko j l</i>	<i>ko và jà là</i>
<i>k</i> _–				
<i>k</i> _– <i>k</i> _–		<i>kak avà ~ ? ? ?</i>		<i>kuk ovà ~ ? ? ?</i>

Колебания в формах ж.ед., (часть не вместились в таблицу): ж. *kadeja* ~ *kadaja* (?), *kodoja* ~ *kodeja* ~ *kodja*. Описание Борецкого местами туманно и содержит не все формы; так, неясны формы ж. и мн. от *kakava*, *kukova*. В этом диалекте обращает на себя внимание сосуществование форма на *-o* и на *-ava*. При этом есть форма ж. *kade(j)* без расширения. Эта форма, по-видимому, служит доводом против апокопы *kadeja* > *kadej*, ибо саму форму *kadeja* невозможно получить из *kadaja* (впрочем неясен вариант *kade*).

Кэлдэрарский говор в США [Bhatia 1963: 47]: приводится только *kāko*, *gādo*, *kuko*.¹⁹

17 «Лжепредлогом» мы называем препозитивные падежные показатели (выглядящие как предлоги и являющиеся предлогами исторически) в северновлашском [Ослон 2018: 354].

18 Этот звук в словаре Кальве также в «*ratūaló*» 'кровавый', ср. «*thav*» 'нить', «*phu*» (< *phuv*) 'земля'.

19 В т.ч. *kukāwer ges* 'the other day' — сложение *kuko* и *aver*. Долгота в этой работе — орфографический приём.

Кишинёвский (Россия, Украина) [Кожанов рук.-2]:

	+ ЛС	+ -a	+ ЛС	+ -a
—	a-		ò v j n(è)	
<u>d</u>				
<u><u>d</u></u>				
<u>k</u> <u><u>d</u></u>		<i>gada və ja lə</i>		<i>godo və ja lə</i>
<u><u>k</u></u> <u><u>d</u></u>				
<u>k</u>	<i>ka j l</i>			<i>kò va ja la</i>
<u><u>k</u></u>				
<u>k</u> <u><u>k</u></u>		<i>kaka və ajà alà</i>		<i>kuko və jà là</i>

Здесь имеем только формы с озвончением: *gadava*, но не ***kadava*. Характерно сохранение *kòva* (в особом значении цеппы), причём с накоренным ударением. Нет форм типа кэлд. ж.ед. *kad'à* (ожидалось бы киш. ***gag'à*), вместо них имеем, вопреки ожиданиям, *kadajà* и под., т.е. в местоимениях нет следов перегласовки в *-ej*, хотя ср. киш. *dej* 'мать' и под.

Сведения о нескольких очень близких к кишинёвскому говорах XIX в. из разных районов Румынии мы извлекли из сборника фольклорных текстов цыган Румынии [Constantinescu 1878]. По нашим общим впечатлениям от этих текстов нет оснований рассматривать их раздельно, поэтому даём их как единую систему (впрочем, мелкие отличия есть, в т.ч., вероятно, в частотности звонких форм типа *godovà* наряду с *kodovà*)²⁰. Два из этих говоров названы: модоранский [«*modorănesc*»²¹] (г. Мэрэшешть) и лэшский [«*lăeșesc*»] (г. Турну-Северин); остальные названиями не снабжены²².

20 Даём роспись из [Constantinescu 1878]. Из песен — лэшский: косв.м. и прям.м. *kol*, *kukoyá* [42]. Из сказок — дер. Будешть (жуд. Илфов; деревня исчезла или поглощена Бухарестом): *gadayá* [63], *gadavá* [64], *godóu* [65], *godová*, *godolá* [66], *kayá* [67], *kouá*, *koleške* [79], *godoyá*, *godolés* [81], *akauá* [84], *kou* [85], *kavá* [86]; *akayáringal* (sic!) [69]; *okouavér* 'cel-l-alt' [86], *okolavré* [85]; дер. Мэрэшешть (жуд. Путна; ныне город в жуд. Вранчя): *ko* (?), м.косв. *godól*, *godová*, *kodouá* [90], *kadáu* (так же, как предлог + артикль: *andau*, *kau*) [91], м.косв. *kodol* [93] *kodoya* [94]; г. Слатина: *kal* [98]; дер. Болд (жуд. Илфов; деревня исчезла или поглощена Бухарестом): *kau*, *koyaver*, *okouaver* [108]; г. Турну-Северин (ныне Дробета-Турну-Северин): *kodóu* [110], *kodoyá* [112].

21 Из словаря: «**mòdor (modoran)** m. Tr. 1. om tăcut, morocănos; 2. pl. **modorani**, numele lăieșilor sau țiganilor vagabonzi...», т.е. '...modorani, название *лэшей* или бродячих цыган' [Șăineanu, ed. VI (1929) по www.dexonline.ro].

22 Миклошич недоумевает: «Eine Frage, die ich nicht beantworten kann, ist die nach der Bedeutung der einzelnen Pronomina demonstrativa, deren Menge im rumun.-zig. geradezu verwirrend ist und der andere Sprachen höchstens drei gegenüberstellen können» [Miklosich XI: 16]. Список местоимений для «румынского» диалекта [«Rumunisch»] [Miklosich XI: 18] действительно содержит большое число разнородных форм. Однако, по-видимому, здесь имело место недоразумение: только в одном источнике этих форм [Constantinescu 1878] представлены песни и сказки на диалектах из двух групп: балканской: ришарский = урсарский [ricinearísko, рум. ursăresc], и северновлашской: «молдавский» [moldov(e)anísko] (?), «кэлдэарский» [kíkaverísko, рум. cãldãrãresc — но это не совсем привычный нам кэлдэарский], тисманарский [tismãnarísko], лэшский [lãiașísko] = «модоранский» [modorănesc]; злэтарский [zlãtarísko] (?). Поэтому удивление Миклошича загадочно.

Говоры «кэлдэрарского типа» (Румыния) [Constantinescu 1878: 57–112]²³:

	+ ЛС	+ -a	+ ЛС	+ -a
	a-		o u j n	
<u>d</u>				
<u>d</u>				
<u>k</u> <u>d</u>	<i>kada u</i> ? ?	<i>gada uà</i> ja là	<i>g/kodo u</i> ? l	<i>g/kodo uà</i> jà là
<u>k</u> <u>d</u>				
<u>k</u>	<i>ka u</i> ? l	<i>ka uà</i> ? ?	<i>ko u</i> j- l	<i>ko uà</i> jà ?
<u>k</u>		<i>aka uà</i> ja- ?	<i>oko u-</i> ? ?	
<u>k</u> <u>k</u>				

Как видим, в отличие от описанных кэлдэрарских говоров, здесь не падает *-u* в *kou* и под.; нет стяжения (только *-ava*, не *-o*). Неожиданная форма *oko* встречается только в сочетаниях с *aver* ‘другой’ (румынские кальки)²⁴.

Большинство перечисленных нами форм приводятся Миклошичем [Miklosich XI: 18] — в основном из [Constantinescu 1878] (но отчасти без источника²⁵), но он даёт также (приводим только не найденные нами у КонстантINESКУ формы, более-менее однозначно относимые к северновлашскому): м. *kadó*, *gadáu*, *godáu*, *kakavá*, *kakó*, *kodó*, *ko* (видимо, ошибочно); ж. *kadajá*, *kadjá*, *kadé*, *gádaj* (ударение!), *gadej* (без уд.), *godój*, *godéj*, *kakajá*, *kaj*; мн. *kadál*, *gadál*, *kalá*. Почти все они вписываются в нашу начальную схему и дополняют таблицу. Нет формы ***godaj*, но есть *godéj*, очевидно связанная аналогией с **kadej* в. **kadaj* (как ожидается во влашских диалектах). Сложнее обстоит вопрос с приводимыми Миклошичем формами *do*, *daj*, *dol*²⁶, однако мы всё равно в предположительном порядке включим их в реконструкцию прасеверновлашского.

23 Унифицируя запись, пишем *u* в. «u» и «v». В тексте запись типа «*gadauá*» частотней, чем «*gadavá*», т.е., возможно, сохраняется живое членение **gadau* + *a* (возможно, то же в глаголах: «*linghearaua-tu*» ‘приведу тебя’, при «-au» в 1.ед. краткого презенса; впрочем, м.б. так звучало /v/ между двумя непоследними гласными; примеров и контрпримеров в других контекстах не видно).

24 Контекст формы *akauá*, вероятно, содержит опечатку: «*ande akauá ghes*» [84] переведено как ‘*în această l-altă zi*’, из чего, вероятно, следует, что в оригинале пропущено слово: должно быть «*akauá avér ghes*». Форму ж. *akaya-* имеем в «*akayáringal*» ‘*dincoase*’, на это же указано в [Miklosich XI: 18].

25 Возможно, формы без источника почерпнуты Миклошичем из его не сохранившейся или ещё не обнаруженной переписки с КонстантINESКУ [Жульета Ротару, личное сообщение].

26 Ср. (в записи Миклошича) «*dol čájá dol tiknořjá*» ‘*fete-le cele mici; illae puellae parvae*» [Miklosich XI: 18 по Constantinescu 1878: 13]. Эту песню КонстантINESКУ даёт как урсарскую, причём *dol* и *del* (если не опечатка), встречаются также в песне, названной им лэешской [Constantinescu 1878: 32], что не вызывает доверия ввиду «*seauá*» (в. «*şeuá*» в др. лэешских песнях). Как бы то ни было, материал песен у КонстантINESКУ надёжен, тем более, что, как известно, цыгане часто поют песни других групп. В известном нам кэлдэрарском фольклоре формы типа *do*, *doj*, **dol* всегда следует трактовать как сочетания ритмической вставки *d(o)-* [Ослон 2018: 895] с артиклями. В данном случае форму *dol* мы разбили бы для кэлдэрарского как *do-l*, причём артикль *-l* во фразе ожидаемо повторяется дважды. Для указательных местоимений это скорее неожиданно, но ср. в лэешской песне [Constantinescu 1878: 42] пример «*kol romneá kol phureá*» букв. ‘эти цыганки эти старые’, где *kol* — явно указательное местоимение, повторяющееся дважды (что может быть архаизмом; как было сказано, сама песня может быть и урсарской). Сам элемент *d-* в северновлашском восходит скорее всего именно к указательному местоимению (ср. несклоняемые рус.-цыг. *do*, *da*). В записываемом нами фольклоре у кэлдэрар бывшего СССР эта вставка стоит перед любой частью речи: *d-avèl d-avèl d-èk vojniko* ‘*d-идёт d-идёт d-НЕОПР. солдат*’ [записано нами под г. Тулой в 2012 г.].

2.3.2. Северновлашская группа: прочие говоры

Сюда относится ловарский диалект в разных говорах, близкий к нему диалект г. Рахова, «буковинский» говор XIX в., описанный Миклошичем (вероятно в какой-то степени предок раховского), а также несколько других говоров, о которых мы ничего не знаем (например, мачванский).

Ловарский (Чехия, Словакия) [Wagner 2012: 73]:

	+ ЛС		+ ЛС	
	<i>a-</i>	<i>+ -a</i>	<i>+ ЛС</i>	<i>+ -a</i>
–			<i>vo j j n</i>	
<i>d</i> _– <i>d</i> _– <i>k</i> _– <i>d</i> _– <i>k</i> _– <i>d</i> _–	** ** <i>kada j</i>	<i>kad o i ala</i>	** ** <i>kodo j</i>	<i>kod o i ola</i>
<i>k</i> _– <i>k</i> _– <i>k</i> _– <i>k</i> _–	<i>ka j j</i>		<i>ko j j</i>	
	** ** <i>kaka j</i>	<i>kak o i ala</i>	** ** <i>kuko j</i>	<i>kuk o i ola</i>

Формы мн. *kada|j* < **kadal'* (?) и т.д. мы вписали в средний столбец условно (в описании эти формы даются как варианты *kadala* и т.д.); их происхождение нам неясно, но если конечное *-j* < **l'*, то, возможно, это нерасширенные формы (с какой-то мягкостью), параллельные мн. *kaj*, *koj* (вм. ожидаемых *kal*, *kol*).

Ловарский в Польше [Robožniak 1964: 49]: только *kad|o |i |ala*; *kod|o |i |ola*; так же *kuko*. Ловарский в России [Смирнова-Сеславинская, Цветков 2009]: *kad|ò |ỳ |òl*; *kad|ò |ỳ |òl*. В ловарском переход **àua* > *o* — абсолютно регулярный (т.е. есть в глаголах), откуда, весьма вероятно, и форма *kado*. При этом ж. *kadi*, *kodi*, *kuki* вряд ли можно объяснить иначе как аналогией с прилагательными (ср. *bāro* ‘большой’, ж. *bāri*). В российском ловарском загадочно *kadal* без *-a*. Если это старая форма, то *kodo* тоже может быть не аналогией (*kodova* ⇒ *kodo*), а прямо из **kodov*.

Раховский [Ослон рук.-а]: только *kad|ò*, |*à*, |*alà*; так же *kakò*; *kod|o*, |*à*, |*alà*; так же *kukò*, т.е. соотношение форм — как в кэлдэрарском. Здесь **àua* > *o* — регулярно (есть в глаголах).

Буковинский (Румыния или Украина) [Miklosich V]:

	+ ЛС		+ ЛС	
	<i>a-</i>	<i>+ -a</i>	<i>+ ЛС</i>	<i>+ -a</i>
–			<i>vo j n</i>	
<i>d</i> _– <i>d</i> _– <i>k</i> _– <i>d</i> _– <i>k</i> _– <i>d</i> _–	? ? <i>kadà l</i>	<i>kad ò è *alà</i>	? ? <i>kod òl</i>	<i>g/kod ò è *olà</i>
<i>k</i> _– <i>k</i> _– <i>k</i> _– <i>k</i> _–			<i>ko j ?</i>	(?) <i>ko a ? ?</i>
	? ? <i>kakà l</i>	<i>kak ò ? *alà</i>	? ? <i>kuk òl</i>	<i>kuk ò è olà</i>

Форма ж. *kadè* < **kadà* (как в раховском) < **kadejà*, с закономерным для буковинского *-a*

> -e: ср. *kuj* 'локоть', мн. *kujè* < **kujà*. Так же (с колебанием в отражении **k'*): *kutè* ~ *kukè* < **kukejà*.

В «*koā bərš*» 'in einem Jahre' Миклошич усматривает **kaj o bərš*, что может быть неверно. Речь идёт скорее всего о **kova* (тогда это букв. 'в том году'). Если так, то это проливает свет на сочетание *kaver* в кэлдэрарских говорах, которое может быть из *koāver* < **kov-aver*.

Необычные сложения с *aver*: местоимение ж. *tèver, t'ar* 'другая': «Vgl. die mir dunklen Rezensarten *p' o tever lume, p' o t'ar lume* in die andere Welt» [Miklosich V: 7]. Вероятно, это *te-* (с элизией: *t'*) содержит рефлекс ж. **kej*, соответствующую м. **kav* (ср. кэлд. *ka* и *kaŋ*). Тогда неясное Миклошичу слово *tèver* (м.б., неточная запись вм. **t'èver*?²⁷) < **kejaver* может быть формой женского рода от м. *kàver* 'другой' (сложение *ka* или *kov* с *avèr* 'другой?'), мн. *kolavèr*, не отмеченного Миклошичем, но хорошо известного в кэлдэрарских говорах. Форма *t'ar* — стяжение (варианта ***ar* у Миклошича нет, хотя ср. *avèl* ~ *al* 'приходит; будет'). Неясно «*p' o*», понятое Миклошичем как сочетание предлога *pe* и артикля м. *o*, хотя *lume* 'мир, свет' — женского рода. Значит, вероятно, это на самом деле **p[e] ot'èver*, т.е. *ot'èver* < **ot'àver* < **okejàver* ← **okojàver* < **okoj* + *aver*, ср. м. *okoçavèr* и ж. (без *o-*) *kojavèr* в говорах «кэлдэрарского типа» [Constantinescu 1878: 108].

Расширение *-a* в части форм, видимо, факультативно, ср. мн. *kukolà, kukolè, kukòl* (и гибридное или неточно записанное *kadòl*) [Miklosich V: 25]. Неожиданно параллельно форма *kukolè* (если не косвенная).

Миклошич даёт «*kollés, kolés*» как вариант *kodolés* [там же: 28], причём двойное *-ll-* не подкреплено примерами и, возможно, служит для Миклошича (ошибочным) оправданием возведения этих коротких форм к **kodles* < *kodoles*. Вероятно, на самом деле это косвенная форма от *ko* (которую Миклошич неверно считает вариантом *kado*: «*ko steht für kodò*» [там же]).

2.3.3. Северновлашская группа: реконструкция

Вышеизложенное ставит перед нами два вопроса:

1. Почему нигде в чистом виде не засвидетельствована форма ж. **kej*? Она выявляется в сложении с *aver* 'другой', однако на её месте (где эта клетка заполнена) повсеместно имеем *kaj*.
2. Как могут сосуществовать формы со стяжением типа *kadò* и формы без стяжения типа *kadavà*? Оба типа форм преставлены в сербском кэлдэрарском (если они не из разных говоров). Только стяжённые имеются в других кэлдэрарских; только нестяжённые в лэешских говорах (в т.ч. в кишинёвском).

Ответить на первый вопрос можно, предположив выравнивание парадигмы. В начальной схеме без расширения имеем формы: **kav, *kaj, *kal, *kov, *koj, *kol*. Только вторая их них во влашском — с перегласовкой — могла принять форму **kej*. Уже на северновлашской почве случилось ещё три фонетических перехода: (1) «первое северновлашское стяжение» **eja* > *ēa* > 'ä; (2) узаднение после заднеязычных, в т.ч. **ke* > *kə* (ср. кэлд. **ker* > *kər* 'делай!'); (3) палатализация («йотация», «качественное смягчение») заднеязычных, в т.ч. *k'* > *t'*. Относительная хронология этих переходов не совсем ясна, но можно представить себе такую эволюцию формы **kej*-:

без расширения: **kej* > (2) **kəj*
с расширением: **kej* + *a* > (1) **keā* > **kä* > **tä*

27 Ср. в следующей словарной статье: «*tež, tež, tež* subst. m. Seide. *težésko, težésté* seiden...» [Miklosich V: 59] с колебаниями в мягкости-твёрдости в рефлексе **k'* — **kěž* 'шёлк'.

Форма **tā* дала бы кэлд. ***t'a*, рах. ***t'ä*, бук. ***t'e*. Те же фонетические условия — в сложении с *aver*, что мы видим в бук. *t'ever*. Таким образом, получилось бы м. *ka(v(a))* : ж. **kaj* : **t'ä* : мн. *kal(a)* в одной парадигме. Эта непрозрачность могла быть устранена выравниванием, а именно — **kaj* ⇒ *kaj*.

Уцелевший архаизм бук. *t'ever* в какой-то мере отделился от этой парадигмы. При этом парадигма самого этого местоимения тоже была сложной: м. **kàver* (?), ж. **t'äver*, мн. **kolavèr*. В части кэлдэрарских говоров, в т.ч. у рода ёнешти [Деметер, Деметер 1990] (но не только) есть местоимение м. = ж. *kàver*, мн. *kolavèr*, синонимичное м. = ж. = мн. *avèr* 'другой'. Вероятно, в этом говоре форма ж. **t'äver* устранена из-за своего фонетического облика. Происхождение формы *kàver* не совсем ясно, но первой частью должно быть **ko(v)*²⁸.

Таким образом, сценарий мог быть таким (жирным — формы, живые хотя бы в одном северновлашском диалекте):

	м.	ж.	мн.
	<i>kav</i> (> <i>ka</i>)	<i>*kaj</i> > <i>*kej</i> ²⁹ > <i>*kaj</i> ⇒ <i>kaj</i>	<i>kal</i>
+ <i>-a</i> :	<i>kava</i>	<i>*keja</i> > <i>*t'a</i> ⇒ <i>kaja</i>	<i>kala</i>

При этом, однако, сохранилась форма ж.ед. *kadèj* (в сербском кэлдэрарском, а также, возможно, в других говорах, например, в говоре ёнешти в России [наши материалы]), а также кэлд. *kad'à* < **kad'ä* < *kadej+a*; *ka'ta* < **kakej+a*. Соответствующая форма м.ед. засвидетельствована у Констанинеску: *kadau* и т.п. (см. сноску 20). В части диалектов эта форма, возможно дала бы *kadò* (так в буковинском: ср. *kamàv* 'хочу, люблю' > *kamò*, наряду с *kamàu*, *kamàp* [Miklosich V: 26]).

Что касается второго вопроса о сосуществовании форм на *-ò* и на *-avà*, то здесь возможно акцентное объяснение. Фонетическое развитие **-àua* > *-o*, очевидно, зависело от ударения (**-auà* не стягивалось). Тогда это верно и для местоимений — с синтаксически обусловленным разным ударением, причём разноместность ударения находит поддержку в валлийском диалекте [Ослон 2014: 310]:

<i>kakavá</i> < <i>*kakaúá</i>	ср. валл. <i>akavá</i> (субстантивно)
<i>kakó</i> < <i>*kakáua</i>	ср. валл. <i>akáva</i> (адъективно)

Если это верно, то в большинстве диалектов одна из этих форм вытеснена другой. Одна крайность — сохранение только стяжённых форм (например, русский кэлдэрарский), а другая — только нестяжённых (кишинёвский). В кишинёвском и «говорах кэлдэрарского типа» у Констанинеску нет следов не только стяжения, но и перегласовки: вместо ожидаемого **kadeja* > ***kag'a* имеет только *kadajà/gadajà* (с неясным озвончением). Это в какой-то степени подрывает нашу реконструкцию для северновлашского.

Особого объяснения требует судьба форм дальнего столбца с расширением: м. **kodova*, **kokova*, ж. **kodoja*, **kokoja*. В них нет условий для стяжения, так что формы кэлд. ж.ед. *kod'à*, *ku'tà* должны объясняться аналогией с формами ближнего столбца. Впрочем, в шведском кэлдэрарском эта аналогия отсутствует в цеппе *kovà*.

28 Само сложение должно было рано стянуться из трёх слогов в два: **kò(y)-avèr* > (?) *kàver*, после чего должен был подействовать «ритмический закон» (видимо, довольно поздний), который мы попытались обосновать в работе [Ослон 2014]. Его суть состоит в т.ч. в том, что в двухсложных сложениях, в которых стоят два ударения подряд, устраняется второе, а в трёхсложных, в которых ударение падает на первый и на третий слоги, устраняется первое, ср. *sà-jekh* 'всё равно' (букв. 'всё-одно'), но *sa-da-jèkh* 'всегда' (полукалька с рум. *totdeauna* 'тж.') [там же: 300].

29 [Miklosich XI: 18] приводит форму «kej» со ссылкой на [Constantinescu 1878], но там в урсарской песне «kei» вместо «ke-i» — не местоимение, а предлог с артиклем [Constantinescu 1878: 42].

Прасеверновлашское состояние реконструируем с перегласовкой, но до обоих стяжений (т.е. с **-eja*, **-ava* во всех случаях). Учитываем также неясное упреждение **kok-* > *kuk-*.

Северновлашский (реконструкция):

	+ ЛС		+ <i>-a</i>	+ ЛС		+ <i>-a</i>
–	<i>*a-</i>			<i>vo v j n(e)</i>		
<i>d</i> _–	?			(?) <i>*do j l</i>		
<i>d</i> _–						
<i>k</i> _– <i>d</i> _–	<i>*kad av ej al</i>	<i>*kad ava eja ala</i>		<i>*kod ov oj al</i>	<i>*kod ova oja ola</i>	
<i>k</i> _– <i>d</i> _–						
<i>k</i> _–	<i>*k av ej al</i>	<i>*k ava eja ala</i>		<i>*ko v j l</i>	<i>*ko va ja la</i>	
<i>k</i> _–	?	<i>*ak ava eja ala</i>		<i>*oko v j l</i>	?	
<i>k</i> _– <i>k</i> _–	<i>*kak ava eja ala</i>			<i>*kuk ova oja ola</i>		

2.4. Южновлашская группа

Эти диалекты называются ещё «старовлашскими» в противоположность «нововлашским» (= северновлашские) на том основании, что последние как будто объединяются плотным пучком инновационных изоглосс, а первые выглядят отпавшими раньше. Их мы разобьём на две подгруппы: «балканскую» (носители ушли с румыноязычной территории на запад) и «небалканскую» (носители рано оказались на Украине).

2.4.1. Южновлашская группа: диалекты Балкан

Ая-Варвара (Афины, Греция) [Iglá 1996:39]:

	+ ЛС		+ <i>-a</i>	+ ЛС		+ <i>-a</i>
–				<i>vo v j n</i>		
<i>d</i> _–						
<i>d</i> _–	<i>ada (v)à (j)à là</i>			<i>odo (v)à (j)à là</i>		
<i>k</i> _– <i>d</i> _–	<i>kada (v)à (j)à là</i>		?	<i>ko(j)do</i>	<i>kodo (v)à (j)à là</i>	
<i>k</i> _– <i>d</i> _–						
<i>k</i> _–	<i>ka (v)à (j)à là</i>			<i>ko (v)à (j)à là</i>		
<i>k</i> _–				<i>oko (v)à (j)à là</i>		
<i>k</i> _– <i>k</i> _–						

Комоти́ни (г. Комоти́ни, Греция) [Αλεξίου]

	+ ЛС	+ <i>-a</i>	+ ЛС	+ <i>-a</i>
—			<u>vo v</u> j n	
<u>d</u>				
<u><u>d</u></u>				
<u>k</u> <u>d</u>				
<u><u>k</u> <u>d</u></u>				
<u>k</u>		ka və jə lə		ko və jə lə
<u><u>k</u></u>		aka və jə lə		oko və jə lə
<u>k</u> <u>k</u>				

Гурбетский (Митровица, Косово) [Leggio 2011: 78]:

	+ ЛС	+ <i>-a</i>	+ ЛС	+ <i>-a</i>
—			<u>vo v</u> j n	
<u>d</u>				
<u><u>d</u></u>				
<u>k</u> <u>d</u>				
<u><u>k</u> <u>d</u></u>				
<u>k</u>		ka va ja le		ko va ja le
<u><u>k</u></u>		aka va ja le		oko va ja le
<u>k</u> <u>k</u>				

То же самое в [Boretzky 1986: 202] (Приштина, Косово), но есть также озвончение: *gova*.

Характерно полное отсутствие ***kej* и т.п. с перегласовкой, что ставит под сомнение реконструкцию северновлашского.

2.4.2. Южновлашская группа: диалекты вне Балкан

Сюда включим (1) украинские и южно-российские говоры давних выходцев из Румынии: влахыцкий³⁰ (смешанный с сэрвицким?), сэрвицкий (неоднородный, местами смешанный с русскоцыганским); ришярский (в единственном очерке [Черенков 2008] по указателям данных нет); (2) смешанные говоры, видимо, на влашской основе с большой надстройкой под влиянием центральных диалектов: чергарский (?) и нек. др., а также, видимо, говор с. Подвиноградово (Закарпатская обл. Украины) [моя запись 2015 г.].

30 Обычно употребляемое название этого диалекта — «влашский» (*vlaχyʲcko*, самоназвание: *vlaχurá*) — находится в конфликте с названием всей влашской группы цыганских диалектов, поэтому во избежание путаницы будем писать «влахыцкий» (с этим согласен носитель этого диалекта и главный его исследователь Я. Панченко).

Влахыцкий (Украина, Краснодарский край России) [Панченко 2013: 10; лич. сообщ.]:

	+ ЛС		+ ЛС	
		+ -a		+ -a
—	<i>vo j nè</i>			
<i>d</i>				
<i>d</i>				
<i>k d</i>	<i>kadà</i>	<i>kad evà ejà elà</i>	<i>kodà</i>	<i>kod evà ejà elà</i>
<i>k d</i>	<i>akadà</i>	<i>akad evà ejà elà</i>	<i>akodà</i>	<i>akod evà ejà elà</i>
<i>k</i>	** <i>ka j</i> **	** <i>ka jà là</i>	<i>ko j</i> **	** <i>ko jà là</i>
<i>k</i>		** ** <i>aka là</i>		** ** <i>ako là</i>
<i>k k</i>				

Система влахыцкого диалекта уникальна среди влашских наличием неизменяемых местоимений: *(a)kadà* и *(a)kodà*, ср. *kadà ròm* ‘этот цыган’, *kadà romnì* ‘эта цыганка’, *kadà romà* ‘эти цыгане’ [здесь и далее данные из личного сообщения Я. Панченко]. Считать это архаизмом можно лишь с осторожностью, т.к. вряд ли можно исключать влияние русскоцыганского. Однако, в отличие русскоцыганского (где *(a)kadà*, *kodò*), влахыцкие формы нарушают начальную схему префиксом *a-* в м. *o-* и корнем *-a* в м. *-o*.

Фрагментарно представлены формы второго столбца («+ ЛС»), т.е. без расширения, причём только контрастного ряда. В ближнем плане есть лишь ж. *kaj* (но не м. ***ka(v)*, мн. ***kal*), а в дальнем — м. *ko* (напр. *dikh ko mùj!* ‘глянь на эту рожу!’) и ж. *koj* (но не мн. ***kol*). При этом, однако, наличествуют все косвенные формы: м. *kalès*, ж. *kalà*, мн. *kalèn* (в т.ч. с падежными клитиками, ср. местный падеж *kalès-te*, *kalà-te*, *kalèn-de*), так же *kolès-* и т.д.

Так же фрагментарны соответствующие прямые расширенные формы: ж. *kajà*, мн. *kalà* (но не м. ***kavà*); ж. *kojà*, мн. *kolà* (но не м. ***kovà*). С префиксом *a-* есть только мн. *akalà*, *akolà*.

Наиболее частотны формы на *kad-*. Во всех них необычный корень *-e-* можно объяснить так: сначала, согласно влашской перегласовке (см. 2.3), закономерно **kadaji* > *kadej* (теперь только с расширением: *kadeja*); затем это *-e-* проникло во все остальные формы, в т.ч. и дальнего ряда (**kodoja* ⇒ *kodeja*; **kodova* ⇒ *kodeva* и т.п.). Такая аналогия может лежать в основе формы ж. *kod'à* (вм. *kodoja*) в части кэлдэрарских говоров и прямо отражать их более раннюю стадию. Начальное *a-* в формах дальнего ряда следует считать аналогическим: **okoda* ⇒ *akoda*.

Сэрвицкий [Кожанов рук.-б]: диалект, чьи носители называют себя сэрвами, частично, кажется, скорее относится к влахыцкому (в части говоров на Украине), что является результатом смешения или дрейфа эндонимов. Для говоров, явно отличных от влахыцких, засвидетельствованы только парадигмы м. *kadavà*, ж. *kadejà*, мн. *kadalà*; м. *kodovà*, ж. *kodejà*, мн. *kodolà*, с ожидаемой влашским перегласовкой в ж. *kadejà*, но с сохранением корня в м. и мн. (при этом аналогия ж. **kodojà* ⇒ *kodejà*).

Чергарский [Mészáros 1976: 362]³¹: указатели здесь явно из центральных диалектов — почти такие же, как в ромунгро [Görög 1985: ...], поэтому этот диалект для влашской группы не значим: м. *ad|o |i |ala*; так же *odo*, однако здесь обобщён исход *-o* (*odo*, *ado*), а не свойственный центральным *-a*.

31 Матрас считает его переходным от центральных к влашским, но относит к центральным [Matras 2000]. По основным диагностическим признакам он всё-таки влашский, ср. *děj* ‘мать’ [Mészáros 1976: 363] (с другой стороны, именно этот диалект может служить доводом против такого выделения влашского).

2.4.3. Южновлашская группа: реконструкция

Без уверенности включаем в реконструкцию данные влахыцкого и сэрвицкого. Обращает на себя внимание наличие влашской перегласовки (если это она) после *d-* (ж. *kadeja*), но её отсутствие после *k-* (*kaja*).

Южновлашский (реконструкция):

	+ ЛС	+ <i>-a</i>	+ ЛС	+ <i>-a</i>
–			<i>vo v j n(e)</i>	
<i>d</i> <i>d</i>		<i>*ada vâ ejâ alâ</i>		<i>*odo vâ jâ lâ</i>
<i>k</i> <i>d</i>	<i>*kada</i>	<i>*kad ava eja ala</i>	<i>*kodo</i>	<i>*kodo va ja la</i>
<i>k</i> <i>d</i>	<i>*akada</i>		?	?
<i>k</i> <i>k</i>	<i>ka ? j l</i>	<i>*ka va ja la</i>	<i>ko ? j l</i>	<i>*ko va ja la</i>
<i>k</i> <i>k</i>		<i>*ak ava eja ala</i>		<i>*oko va ja la</i>

Как видно, формально распределение реконструируемых форм и сами эти формы довольно хорошо согласуются с северновлашским.

2.5. Центральная группа

Для центральной группы приходится воображать больше аналогий, чем для других. Не вдаваясь в сложную проблему классификации центральных диалектов, разобьём их традиционно на северные и южные, а также (отдельно) плащунский (который может производить впечатление особого, ибо просто смешан с русскоцыганским).

2.5.1. Центральная группа: северная подгруппа

Западнoсловацкий [Elšík, Hübschmannová, Šebková 1999: 72рук] по [Sowa 1887: 70–72]:

	+ ЛС	+ <i>-a</i>	+ ЛС	+ <i>-a</i>
–		<i>a da ja la</i>		<i>o da ja la</i>
<i>d</i> <i>d</i>	?	?	<i>oda</i>	<i>odo va ja la</i>
<i>k</i> <i>d</i>				
<i>k</i> <i>d</i>				
<i>k</i> <i>k</i>		<i>aka da ? ?</i>		<i>ko va ja la</i>
<i>k</i> <i>k</i>				<i>oko da ? ?</i>

Это какой-то западнoсловацкий говор XIX в. Здесь есть несклоняемое местоимение *oda* (и **ada?*): «Already at the time of v. Sowa, the nominative singular masculine short form could be used in the feminine, in the plural, or in the oblique; today, the short form *oda* is indeclinable in WSR, e.g. in Čachtice, Jablonica, or Šaštín Romani, but not in Prievidza and east of it.» [Elšík, Hübschmannová, Šebková 1999: 73рук]. Если это *oda* — старая, а не стяжённая форма, в ней

произошла замена корня (вм. **odo*), что странно, т.к. в расширенных формах корень *-o-* сохраняется: «The long *o*-extended forms are used in WSR (v. Sowa 1887: 70–72) beside the most simplified ('short') forms, e.g. both *odova* and *oda*, both *odole* and *ole*» [там же].

Судя по всему, здесь было *ava* > $\overset{\text{32}}{a}$, что объясняет отсутствие *adava* (если мы правильно поняли: «The *a*-stems are parallel to the *o*-stems (except for the non-existence of the *o*-extended forms)» [там же: 72рук.]). В таком случае *ada* (долгота не обозначена) < **adava*. Формы *aja* и *oja* выглядят как архаичный обломок парадигм **ava*, *aja*, *ala*; **ova*, *oja*, *ola*.

Что касается цеппы *kova*: «There is one more demonstrative in all Central dialects: *ková* (a long form of the augmented stem *k-*), which functions as an expletive (...), e.g. *Biskupica mo pral te mo bratranec te lesko KOVÁ kamaráto* 'my brother and my cousin and his ... friend'» [Elšík, Hübschmannová, Šebková 1999: 74рук.].

Бергитка (Польша) [Rozwadowski 1936]:

	+ ЛС	+ <i>a</i>	+ ЛС	+ <i>a</i>
–	$\grave{a} da ja la$		$o da ja la$	
\underline{d}				
$\underline{\underline{d}}$				
$\underline{k} \underline{d}$				
$\underline{\underline{k}} \underline{\underline{d}}$				
\underline{k}	$ka da ja ?$		$kò va ja la$	
$\underline{\underline{k}}$	$aka da ja la$		$okò va\sim da ja la$	
$\underline{k} \underline{\underline{k}}$				

Парадигма $\grave{a}da$ (часть форм восстанавливаем по *akada*):

	м.	ж.	мн.
прям.	$\grave{a}da$	$\grave{a}ja$	$\grave{a}la$
косв.	$\grave{a}le$	$\grave{a}la$	$\grave{a}le$

Обычно *aja* и *oja* объясняют нерегулярными звукопереходами: «The augment [т.е. наш корень] vowel could be syncopated [a] in some cases: *odoja* (or *odija*, or *odaja*) > **odja* > *od'a*, *odole* (or *odale*) > *odle*, and *odola* (or *odala*) > *odla*. After the syncope, the resulting consonant cluster could be simplified by dropping the *d* [b]: **odja* > *oja*, *odle* > *ole*, *odla* > *ola*» [Elšík, Hübschmannová, Šebková 1999: 72рук.]. Реконструкция падения *-d-* здесь совершенно произвольна, т.е. не опирается на историческую фонетику (ничего подобного в этих диалектах не бывает)³³.

Предложим другое решение. Западнорусская форма *aja* не восходит к формам с **-d-*, а относится к парадигме **ava* (форма м. стянулась и выпала). В таком случае система бергитка архаична (жирным для наглядности выделены живые формы):

32 В глаголе *kerava* > *kerā*, но не во всех говорах [Elšík, Hübschmannová, Šebková 1999: 81рук.].

33 Может быть **adaja* > **adja*, но дальше трудно: вряд ли может быть **adja* > *aja*, когда ничего подобного не происходит, например, с прекмурским **okoja* > *ukja* (см. ниже).

	М.		Ж.	МН.
прям.	* \bar{a} < * <i>ava</i>	←	<i>a\bar{j}a</i>	<i>a\bar{l}a</i>
косв.	<i>ale</i>		<i>ala</i>	<i>ale</i>
прям.	* <i>adava</i> > <i>ada</i>		* <i>adaja</i>	* <i>adala</i>
косв.	* <i>adale</i>		* <i>adala</i>	* <i>adale</i>

Итак, сначала из парадигмы **ava*, стянувшись, выпала заглавная форма прям.м. * \grave{a} va > * \bar{a} (став слишком короткой); параллельно **adava* > **ad \grave{a}* — эта форма заменила собой стянутое * \bar{a} . Это привело к совпадению заглавных форм в парадигмах **adava* и **ava* (теперь обе *ad \bar{a}*). Все трёхсложные формы вымерли, осталась парадигма **ava* с заменённой заглавной формой.

Бросаются в глаза дублеты м. *okova* ~ *okoda* (они даны в разных статьях словаря, но всё же, видимо, входят в одну парадигму как варианты), но только *akada*. Видимо, имеем здесь архаичное *okova* (-*ova* не стягивается) и аналогическое *okoda* ⇐ *oda* ⇐ *ada* < **adava*. Косвенные формы — только *okole*, *okola* и т.д. (т.е. от *okova*), а не ***okodole*, ***okodola*.

Цеппа: «*kova* bzw. *kova*, *koja* — wird noch so gebraucht, aber gew. 1) Als Ruf 2) fem. 'Ding, Sache'». Эта парадигма сохранилась полностью:

	М.	Ж.	МН.
прям.	<i>kova</i>	<i>koja</i>	<i>kola</i>
косв.	<i>kole</i>	<i>kola</i>	<i>kole</i>

В бергитка и во мн.др. (но не в закарпатских³⁴) сохранилось в исконном виде *kova*, видимо, в связи с особым значением 'вещь' и др. Обычный указатель дальнего плана *okova* имеет аналогический вариант *okoda*, а в ближнем плане есть только вторичные *kada*, *akada* (исконные стянулись).

Западнорусский [Kalina 1882: 57]:

	+ ЛС	+ <i>a</i>	+ ЛС	+ <i>a</i>
—	<i>jô joj jôn</i>			
<i>d</i>	<i>a <u>da</u> <u>da</u> <i>la</i></i>	<i>ada va ja <i>la</i></i>	<i>o <u>da</u> <u>da</u> <i>la</i></i>	<i>odo va ja <i>la</i></i>
<i>d</i>				
<i>k</i>	<i>akada va ja <i>la</i></i>	<i>ka va ? ?</i>	<i>ko <u>da</u> ? ?</i>	<i>ko va ? ?</i>
<i>k</i>				
<i>k</i>				

Важной чертой этой системы является тождество прямых форм *ada*, *oda* для обоих родов (при косв. на *al-*, *ol-* и мн. *ala*, *ola*). Вероятно, это можно толковать как остаток неизменяемых форм *ada*, *oda* (вм. **odo*?), которые встроились в парадигму **ava*, **a \bar{j} a*, **a \bar{l} a*. Это гадательно, но мы не видим другого объяснения для неожиданного ж. *ada*. Тогда несклоняемые следует считать архаизмом (см. ниже). Впрочем, можно вообразить и какое-то стяжение *adaja* > *ad \bar{a}* ,

34 Закарпатские (или «ужанские») говоры не следует считать частью «восточнословацкого» диалекта, а лучше выделять в отдельную сущность [М. Бенишек, л. с.].

факультативное ввиду наличия нестяжённого *adaja*. То же, возможно, относится к стяжению **ava* > *ā*, что объясняет наличие форм *kava*, (*ak*)*adava* (при *ada*).

Формулировки Калины туманны: «Avec les substantifs, ce pronom s'emploie pour tous le[s] cas du singulier *oda*, du plur. *ole*» [Kalina 1882: 58]. Значит ли это, что местоимения *ada* и *oda* не имеют падежей?

Калина также даёт формы: *akova* ~ *akavo*, *akado*, *akalo* [там же: 58], не вызывающие доверия. В описании они объясняются непонятно: «En ajoutant à ces pronoms [*odova*, *odoja*] le pronom interrogatif et en même temps relatif *ko* [??], on a les formes *akadava*, pour le mascul., *akadaja* pour le fém., et *okodova* ou *okodoja*, avec le sens démonstratif».

Западнорусский (?) [Bourgeois 1911: 12]

	+ ЛС	+ -a	+ ЛС	+ -a
–				
<i>d</i> _–	<i>a da da la</i>	<i>ada va ja la</i>	<i>o da da la</i>	<i>odo va ja la</i>
<i>k</i> _–	<i>aka da da la</i>	<i>akada va ja la</i>	<i>oko da da la</i>	<i>okodo va ja la</i>
<i>k</i> _–				
<i>k</i> _–				
<i>k</i> _–				

Описание Буржуа относится, кажется, к тому же диалекту, что и у Калины, и оно тоже, видимо, не во всём надёжно.

Ужанский (Закарпатье, Украина) [Beníšek 2017: 234]:

	+ ЛС	+ -a	+ ЛС	+ -a
–		** ** a la	<i>o v j n(e)</i>	** ** o la
<i>d</i> _–		<i>ad á í alá</i>		<i>od á í alá</i>
<i>k</i> _–		<i>kad á í alá</i>		<i>kod á í alá</i>
<i>k</i> _–		** ** ka la		** ** ko la
<i>k</i> _–		<i>ak á í alá</i>		<i>ok á í alá</i>
<i>k</i> _–				

Здесь чётче видно, что местоимения **ava* и **adava* образуют единую парадигму:

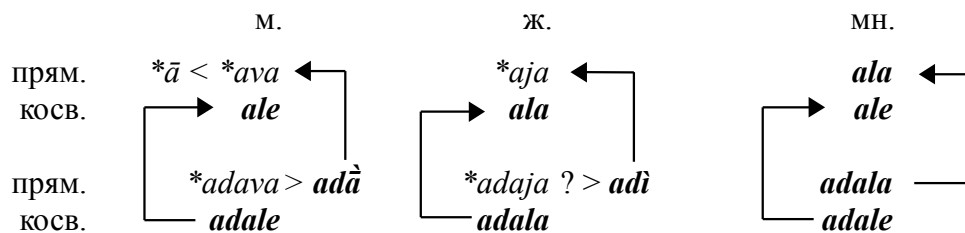
	м.	ж.	мн.
прям.	<i>adà</i>	<i>adi</i>	<i>àla ~ adàla</i>
косв.	<i>àle ~ adàle</i>	<i>àla ~ adàla</i>	<i>àle ~ adàle</i>

Их точно повторяют **ova* и **odova*:

	м.	ж.	мн.
--	----	----	-----

прям.	<i>odā</i>	<i>odì</i>	<i>òla ~ odàla</i>
косв.	<i>òle ~ odàle</i>	<i>òla ~ odàla</i>	<i>òle ~ odàle</i>

С расширением без префиксов есть только формы мн. *ala, ola*. При этом есть все косв. *ales, ala, alen* (так же с *o-*). То же при префиксе *k-*: *kala, kola*. Это значит, что нет рефлексов форм **ava, *aja, *ova, *oja*. Однако есть все прямые формы с префиксами *ad-, od-, kad-, ak-, ok-, kod-*. У них м. *-ā*, ж. *-ì*, мн. *-ala*. Это положение, как нам кажется, объясняется цепочкой фонетических и аналогических мен, вызванных в части центральных диалектов фонетическим стяжением **ava > ā* (ср. факультативное стяжение в буд. *kerā ~ kerava*, но имперф. только *kerās*).

Как и в бергитка, из парадигмы выпала стянувшаяся форма **ava*. Стянулась (непонятно, как) и форма прям.ж. **adaja > adì*, заменила собой **aja*, а форма мн. *adala* и все косв. остались. Лишённая характерных прямых форм м. и ж., парадигма **adava* влилась в парадигму **ava*. Полученная единая парадигма имеет дублиеты в всех формах кроме прямых м. и ж.

В центральных диалектах ударение в какой-то момент оттянулось с последнего слога (кроме плащунского, где это пока неясно). Из ударения *adā, akā* следует, что эта оттяжка слога произошла до стяжения, а затем не действовала (т.е. **adavā > *adāva > adā*). Судя по ударению, загадочные формы *adì* и т.п. представляет собой рефлекс **adaja* (то же касается *okì* и др.).

Дальний план претерпел аналогические изменения, копируя ближний: **odova ⇒ odā* (⇔ *adā*) и т.п. В части форм корень **-o-* заменён на *-a-*: **odola ⇒ odala* и т.д., т.е. функционально он теперь воспринимается как часть флексии.

Смешавшимся в единой парадигме **ava : *adava* (и **ova : *odova*) строго параллельна пара **kava : *kadava* (и **kova : *kodova*):

	м.	ж.	мн.
прям.	<i>kadā</i>	<i>kadì</i>	<i>kala ~ kadala</i>
косв.	<i>kale ~ kadale</i>	<i>kala ~ kadala</i>	<i>kale ~ kadale</i>

	м.	ж.	мн.
прям.	<i>kodā</i>	<i>kodì</i>	<i>kola ~ kodala</i>
косв.	<i>kole ~ kodale</i>	<i>kola ~ kodala</i>	<i>kole ~ kodale</i>

Здесь **kava* заменено на *kadā* (и **kova* на *kodā*). При этом, согласно начальной схеме, **kava* и **kova* (в отличие от **kadava > kadā* и **kodova ⇒ *kodava > kodā*) изначально относились к контрастному ряду, но в результате аналогических сдвигов оставшиеся от них формы косв. и мн. на *kal-* (и от **kova* — на *kol-*) слились в одной парадигме с **kadava* (и **kodova*), т.е. перешли в неконтрастный ряд (подчёркнуты).

В контрастном же ряду остались только формы с префиксом *aka-* (и **oko- ⇒ oka-*):

	м.	ж.	мн.
прям.	<i>akā́</i>	<i>akí</i>	<i>akala</i>
косв.	<i>akale</i>	<i>akala</i>	<i>akale</i>

	м.	ж.	мн.
прям.	<i>okā́</i>	<i>okí</i>	<i>okala</i>
косв.	<i>okale</i>	<i>okala</i>	<i>okale</i>

Контрастный ряд ближнего плана с префиксом *aka-*, видимо, сохранился полностью, здесь только фонетически **akava > akā́* и **akaja ? > akí*. В дальнем плане все формы аналогические: **okova ⇒ okā́* (↔ *akā́*) и т.д.

В ужанском нет следов неизменяемых местоимений: даже в *adā́d'ive* 'сегодня' не рефлекс старого **ada*, а *adā́ < *adava* (судя по долготе).

Приблизительно та же система дана в [Líra 1963: 92] (описание не вполне надёжно), но мн. только *ala* (без ***adala*).

Чешский [Ješina 1886: 23] — несколько иная система. Однако ввиду общей ненадёжности описания (в частности, там приводятся очень подозрительные формы *odolo ~ olo*) мы пока это описание исключаем из разбора.

2.5.2. Центральная группа: южная подгруппа

Бургенландский (Австрия) [Halwachs, Wogg 2002: 17]:

	+ ЛС	+ -a	+ ЛС	+ -a
—		** a ja **	<u>o v j n</u>	** o ja **
<i>d_</i> <i>d_</i> <i>k_ d_</i> <i>k_ d_</i>		<i>ad á ** ala</i>		<i>od á ** ola</i>
<i>k_</i> <i>k_</i> <i>k_ k_</i>				<i>k a ija ole</i>

Парадигма *adá*:

	м.	ж.	мн.
прям.	<i>adá</i>	<i>aja</i>	<i>adala</i>
косв.	<i>adale</i>	<i>adal a ~ -e</i>	<i>adale</i>

Эта система, как и западнословацкие, могла возникнуть слиянием парадигм **ava > *ā́*, *aja*, **ala* и **adava > adā́*, **adaja*, *adala* с последующим устранением дублетов³⁵.

Парадигма *ka*:

	м.	ж.	мн.
прям.	<i>ka</i>	<i>kija</i>	<i>kole</i>
косв.	<i>kole</i>	<i>kol a ~ -e</i>	<i>kole</i>

35 В таблице [Halwachs, Wogg 2002: 17] опечатка: мн.прям. «odala» вм. «odola».

Неясны форма *ka* < (?) **kova* (судя по косв. *kole*) и *kija* < (?) **koja* (ср. ниже прекмурский). Может быть, здесь смешались парадигмы **kava* и **kova*.

Прекмурский (Словения) [Ваганя 2013: 45]:

	+ ЛС	+ ЛС	+ ЛС	+ -a
-		** a ja **	<u>o(u) v j n</u>	** u ja **
<u>d</u> <u>d</u> <u>k</u> <u>k</u>		a <i>dau</i> ** <i>dala</i>		u <i>dau</i> ** <i>do(u)la</i>
<u>k</u> <u>k</u> <u>k</u>				u <i>kau</i> <i>kja</i> <i>ko(u)la</i>

Парадигма *adau* — та же, что в бургенландском:

	м.	ж.	мн.	
прям.	<i>adau</i>	<i>aja</i>	<i>adala</i>	[? ~ <i>adaula</i>]
косв.	<i>ada(u)le</i>	<i>adala</i>	<i>adale</i>	

Дифтонги — рефлексы долгот: **adava* > **adā* > *adau* (ср. **štār* > *štaur* '4'). Корень и при исконной краткости во всех случаях приобрёл факультативный рефлекс долготы (**ā* > *au*), косв.м. *adale* ~ *adaule* (↔ *adau*). Получается, что от парадигмы **ava* осталась только одна форма прям.ж. *aja*.

Дальний план претерпел аналогические изменения, копируя ближний: **odova* ⇒ *odā* (↔ *adā*), **okova* ⇒ *okā*, косв. **okole*. В прекмурском и бургенландском в дальнем плане только в прям.м. корень -o- утратился в пользу рефлекса корня -a-: **okā* > *ukau*, но косв. **okole* > *ukole*, в отличие, например, от ужанского, где это случилось во всех формах: *okole* ⇒ *okale* и т.д. Форма ж.ед. *ukja* может быть и фонетической (ср. бургенланд. *kija*):

	м.	ж.	мн.
прям.	<i>*okova</i> ⇒ <i>ukau</i> (↔ <i>akau</i>)	<i>*okoja</i> (?) > <i>ukja</i>	<i>*okola</i> > <i>ukola</i> ⇒ <i>ukoula</i> (↔ <i>aka(u)la</i> ↔ <i>akau</i>)
косв.	<i>*okole</i> > <i>ukole</i> ⇒ <i>ukoule</i>	<i>*okola</i> > <i>ukola</i> ⇒ <i>ukoula</i>	<i>*okole</i> > <i>ukole</i> ⇒ <i>ukoule</i>

Вендский (Венгрия) [Vodnárová 2015: 171]: [не в тех клетках?]

	+ ЛС	+ <i>-a</i>	+ ЛС	+ <i>-a</i>
—		** <i>a ja</i> **	<u><i>ō v j n</i></u>	** <i>o ja</i> **
<i>d</i> _—		<i>ad ā</i> ** <i>ala</i>		<i>od ā</i> ** <i>ola</i>
<i>k</i> _—		<i>āk-ad ā</i> ** <i>ala</i>		
<i>k</i> _—			<i>oko</i>	<i>kova</i>
<i>k</i> _—		** <i>āk aja</i> **		<i>ok ā ija ola</i>

Синхронно это похоже сочетание с *āk* 'вот': м. *āk-adā āk-aja āk-adala*, но не с *ōk* 'вон' (в *okā* краткий префикс).

«The set of demonstrative pronouns in other varieties of Vend Romani differs mainly in that the plural and oblique form of demonstrative pronouns with *-d-* stem may be syncopated only in KR and in a few other varieties of Somogy Romani (i.e. *adl-* and *odl-*), while elsewhere only the full stem is allowed, i.e. *adal-* and *odol-*» [там же: 172].

Цеппа *oko* — с факультативными ж. *oki*, мн. *okōj* (неясно), а также *kova* — также с факультативным склонением: *kōj kōj* (неясно). Возможно, *kōj* — из другой парадигмы. Возможность неизменяемости может говорить об архаизме.

«The expletive pronoun *oko* resembles the demonstrative determiner with remote specific/contrastive meaning, i.e. *oká* [...]. Indeed, both types of demonstratives share the same stem *ok-*, but their developments slightly differ. The masculine singular form of the expletive pronoun resulted from apocope (*oko* < **oko-va*), while the respective demonstrative pronoun from contraction (*ok-á* < **ok-ova*). The feminine singular expletive form *oki* is probably the reduced form of **o-k-i-ja*, and the plural form *ok-ó-j* emerged from the form **oko-vi*» [там же: 174]. Вряд ли верно, что одна форма **okova* дала два рефлекса (*oka* и *oko*), если только не было дополнительных факторов (ударение?). Форма *oko* может быть исконно несклоняемой. Форма **oko-vi* вряд ли возможна сама по себе. Наличие *oki* и *okija* загадочно — вряд ли обе могут восходить к **okoja* (ударение?).

Вендский (Венгрия) [Vekerdi 1984: 70]:

	+ ЛС	+ <i>-a</i>	+ ЛС	+ <i>-a</i>
—		** <i>a ja</i> **	<u><i>ō v j n</i></u>	** <i>o ja</i> <i>la</i>
<i>d</i> _—		<i>ad ā</i> ** <i>ale</i>		<i>od ā</i> ** <i>ole</i>
<i>k</i> _—				
<i>k</i> _—				<i>ok ā ija ōle</i>

Колелблется корень: *adā* ~ *ado*; *odā* ~ *odo*. Кроме того, похоже, факультативно отпадает

префикс *-a*, но только во мн., ср. *adala* ~ *dala* (*dāla*?); *odōle* ~ *dōle* (конечно, это могут быть и старые формы, но ввиду их единичности в реконструкцию их не включаем).

Вершендский (Венгрия) [Bodnárová 2009: 59]: представлено только два местоимения *ad|ā* |(d')*a* |*ana* и *od|ā* |(d')*a* |*ana* с неясной формой прям.мн. на *-na*, а также цеппа *kōva*.

2.5.3. Центральная группа: прочие диалекты

Плащунский (Россия) [Kozhanov рук.-г]:

	+ ЛС	+ <i>-a</i>	+ ЛС	+ <i>-a</i>
—			<i>jò v</i> <i>j</i> <i>n(è)</i>	
<i>d</i> <i>d</i>	<i>adà</i>	<i>ada và</i> <i>jà</i> <i>là</i>		<i>odo và</i> <i>jà</i> <i>là</i>
<i>k</i> <i>d</i>		<i>kada và</i> <i>jà</i> <i>là</i>		?
<i>k</i> <i>d</i>	<i>akadà</i>	<i>akada và</i> <i>jà</i> <i>là</i>	<i>okodà</i>	?
<i>k</i> <i>k</i>				? <i>ko jà</i> <i>là</i>
<i>k</i> <i>k</i>				

Имеются неизменяемые местоимения, как в части западнословацкого (впрочем, в плащунском нельзя исключать влияния русскоцыганского). Как и в остальных центральных, в нерасширенных (здесь неизменяемых) формах корень всегда *-a*. В отличие от всех центральных здесь нет следов стяжения **ava* > *ā* (ср. плащ. буд. *kerava* 'я сделаю').

2.5.4. Центральная группа: реконструкция

Исходя из начальной схемы, можно предположить следующие общие тенденции в центральных диалектах. Парадигма **ava*, *aja*, *ala* пострадала из-за стяжения *ava* > *ā* везде, кроме плащунского (стяжение, возможно, факультативно у Буржуа и Калины). В результате имеем несколько вариантов парадигмы **ava*, смешанной с **adava* (даём только прямые формы):

<i>ad(av)a</i>	<i>ad(aj)a</i>	<i>a(da)la</i>	— западнослов.: Буржуа, Калина
<i>ada</i>	<i>aja</i>	<i>ala</i>	— бергитка, западнослов.: фон Сова (?) (+ неизм. <i>*ada</i>)
<i>adā</i>	<i>aja</i>	<i>adala</i>	— прекмурский, бургенландский
<i>adā</i>	<i>adi</i>	<i>a(da)la</i>	— ужанский

Этому параллельна (в результате аналогий) парадигма дальнего плана, причём в большинстве диалектов, где есть косв. им мн. с префиксом *-d-*, сохраняется корень *-o-*: *odola* и под., и только в ужанском вместо него — *-a-*: *odala* и под.

Контрастный ряд ближнего плана заполнен слабо:

<i>kava</i>	<i>*kaja</i>	<i>*kala</i>	— западнослов.: Калина
<i>(a)kada</i>	<i>(a)kaja</i>	<i>(a)kala</i>	— бергитка
<i>akā</i>	<i>aki</i>	<i>akala</i>	— ужанский (мн. <i>kala</i> входит в п-гму <i>kadā</i>)

Видимо, эта парадигма сводится к **kava*, **kaja*, **kala*. В бергитка **kava* ⇒ *kada*, а в ужанском мн. и косв. на *kal-* входят в п-гму **kadava*, т.е. перешли в неконтрастный ряд (но в нём остались *akā*, *aki*, *akala*).

Дальний столбец представлен полнее и сводим к **kova*, **koja*, **kola* (в ужанском *kol-* входит в п-гму *kodā*).

Формы **ava* и *ova* в центральных не сохранились. С осторожностью реконструируем несклоняемые местоимения (они есть не только в плащунском, где могут быть заимствованы, но и в западнословацком).

Реконструкция центральных:

	+ ЛС		+ ЛС	
		<i>+ -a</i>		<i>+ -a</i>
–		<i>* ? a ja la</i>	<i>*o v j n(e)</i>	<i>* ? o ja la</i>
<i>d</i> _–				
<i>d</i> _–	(?) <i>*ada</i>	<i>*ada va ja la</i>	(?) <i>*oda</i>	<i>*odo va ja la</i>
<i>k</i> _–		<i>*kada va ja la</i>		<i>*kodo va ja la</i>
<i>k</i> _–	(?) <i>*akada</i>	<i>*akada va ja la</i>	(?) <i>*okoda</i>	
<i>k</i> _–		<i>*ka va ja la</i>	(?) <i>okò</i>	<i>*ko va ja la</i>
<i>k</i> _–		<i>*aka va ja la</i>		<i>*oko va ja la</i>
<i>k</i> _–				

2.6. Изолированные диалекты

Сюда, за неимением удовлетворительной классификации, включают валлийский диалект и диалект хорватских цыган (данные есть лишь по доленскому в Словении). Возможно, эти диалекты близки северным (особенно валлийский).

Валлийский [Sampson 1926: 164]

	+ ЛС		+ ЛС	
		<i>+ -a</i>		<i>+ -a</i>
–			<i>jo v i n</i> ³⁶	
<i>d</i> _–			<i>dā-</i>	<i>do vā iā lā</i>
<i>d</i> _–			<i>odā-</i>	<i>odo vā iā lā</i>
<i>k</i> _–				
<i>k</i> _–				
<i>k</i> _–		<i>ka vā iā lā</i> ³⁷		<i>ko vā iā lā</i>
<i>k</i> _–	<i>aka-</i>	<i>aka vā iā lā</i>		<i>oko vā iā lā</i>
<i>k</i> _–				

Тут, в отличие от северных, совсем не заполнены клетки неконтрастного фокуса плана речи (или близкие: *-da(va)* и т.д.), но заполнены — контрастного фокуса плана речи (*-ka(va)*). Неизменяемые тоже есть, однако они встречаются только в тесных сочетаниях с относительным союзом: *(o)dā-kai*, *-kā* 'he, she, they who, that which'. Как видно, в *(o)dā* в корне *-ā* вместо **-o*. Неизменяемое *aka* (~ *ake*) имеем только в сложениях: *(a)kadives* ~ *(a)kedives* (*kid-*, *kęd-*),

36 И «уō», «уōī» с долготой.

37 В ж.ед. варианты: *akaiā* ~ *akiā*.

(a)karat, kerat — очевидно, без различий в роде, однако ввиду наличия вариантов (*aka-*, *ake-*, *ki-* и др.) не вполне ясно, что это такое.

Сампсон даёт «*'ka|vǎ*», «*'do|vǎ*» как варианты с афрезой безударного начального гласного от *akavǎ*, *odovǎ*. Насколько это верно, мы не знаем (притом что в этом диалекте афреза вообще, кажется, довольно типична), но *kovǎ* он считает совершенно отдельным от *okovǎ*. Второе имеет обычное указательное значение, а первое значит: «‘Thing’ in the widest sense: 1. Substance [...] 2. Article [...] 3. Instrument [...] 6. Person [...] 7. Anything indefinite [...]» (цеппа).

Важная акцентологическая черта — разные ударения в предикативной и атрибутивной позиции: *akáva mūrš* ‘this man’, но *akavǎ s’ō mūrš* ‘this is the man’ (мы предположили, что это древнее поведение, см. 2.3.3). Так же *kóla* ~ *kolǎ*.

Доленский (Словения) [Cech 2006: 34]:

	+ ЛС	+ <i>-a</i>	+ ЛС	+ <i>-a</i>
—			<i>o v j n(i)</i>	
<i>d</i> _—	<i>da va ja la</i>		<i>do va ja la</i>	
<i>d</i> _—				
<i>k</i> _—				
<i>k</i> _—				
<i>k</i> _—	<i>ka va ja la</i>		<i>ko va ja la</i>	
<i>k</i> _—				
<i>k</i> _—				

Тождественно системе синти (из северной группы).

3. Выводы из обзора

Как представляется, показания диалектов неплохо встраиваются в начальную схему. Наш первый тезис о первичности неизменяемых форм подтверждается их наличием в разных группах. Они имеются во всех северо-восточных диалектах, в финскоцыганском (из северных), плащунском (из центральных), остаточны в валлийском (изолированный), а также в западнословацком (из центральных), правда, частично в неисконном (т.е. отличном от нами постулируемого в начальной схеме) виде, а именно, например, *oda* — вместо ожидаемого нами *odo*. Это в какой-то степени подрывает наш первый тезис, который, тем самым, остаётся довольно слабым. Кроме того, характерно, что несклоняемые местоимения имеются в пришлых диалектах на территории потенциального контакта с русскоцыганским (из центральных — плащунский, из балканских, возможно, крымский).

Против вторичности неизменяемых форм говорит отсутствие таких протитипов в доминантных европейских языках.³⁸ Согласно начальной схеме несклоняемые местоимения ожидаются в форме *ada*, *odo* (и *aka*, *oko*). В таком виде они представлены только в северо-восточных диалектах (*oko* также в вендском). В прочих группах один из гласных расходится с ожи-

38 Приходят на ум разве что славянские наречия типа **dъньсь* ‘сегодня, днесь’ (> схрв. *dànas*), **ночьсь* (> схрв. *nòčas*) ‘этой ночью’, **зимось* (> схрв. *zimūs*) ‘этой зимой’ и нек.др., где **-сь* — такой неизменяемый указатель, но вряд ли он мог повлиять, ввиду маргинальности (если только в контактном славянском диалекте это явление не было продуктивным, что вряд ли). Кстати, слова именно с таким значением содержат неизменяемое *a-*: **adijes* ‘сегодня’ и **ar(‘)at* ‘этой ночью’ (в части диалектов тут имеем *av-* и *aj-*). Тем не менее, такие частности — скорее совпадение.

данием. Итак, имеем несколько типов:

- ada, odo* (ожидаемые — северо-восточные);
- ada, ado* (всегда префикс *a-* — финский);
- ada, oda* (всегда корень *-a* — большинство центральных);
- ado, odo* (всегда корень *-o* — некоторые центральные).

Вероятно, это разнообразие возводимо к формам из начальной схемы. Каждое нарушение (выбор *-a-* вместо *-o-* и наоборот) — это один шаг аналогии, причём, как видим, в одной группе встречаются два варианта (*ada, oda* — в большинстве центральных, *ado, odo* — в рунгро).

Второй наш тезис о добавлении личного суффикса (тождественного артиклю) к несклоняемым местоимениям очевидно верен, что подтверждается его формальной отделимостью от корня, особенно в косвенных формах. Этот тезис нами выдвигался только ради возражения реконструкции Матраса.

Верность третьего тезиса (первичность нерасширенных форм, а не апокопа *-a*), как выясняется, менее очевидна, в первую очередь ввиду сложности отношений расширенных и нерасширенных форм в северновлашском. Однако ряд диалектов (например, мануш), как и общие соображения, кажется, не оставляют места для сомнений. По крайней мере совершенно ясно, что с расширением *-a* никак не связан согласный *-v-* в формах мужского рода типа *akava*, как утверждает Матрас (который именно ради этого согласного настаивает на первичности расширения).

В ходе обзора выявлен ряд незамеченных ранее явлений, в первую очередь остаток севернолашского **kej < *kāji* 'эта' (неясно, на какой стадии произошла эта перегласовка и является ли она сугубо фонетическим переходом; поэтому в начальной схеме с долей условности продолжаем писать **kaj*).

Ещё одна трудность имеется в связи с расширенными формами. Если считать, что расширение **-ā* — древнее (общецыганское), то непонятно, почему оно в одних диалектах присоединялось к неперегласованным формам на **-āi*, а в других (влашских) — к уже перегласованным на **-ei*. Ведь если эти две группы диалектов в то время уже разошлись (о чём как будто говорит изоглосса перегласовки), то вряд ли они могли себя повести столь схоже при опрощении расширенных форм. Впрочем, мы не только не знаем, когда случилась перегласовка, но и даже была ли она фонетическим явлением: может быть это остаток какой-то древней (среднеиндийской) аллофонии типа **ā : *ā̄*, снятой всеми диалектами, кроме влашских (где это **ā̄ > e*)? Кроме того, надо сказать, что в другой области морфологической системы, а именно — в словоизменении существительных, присоединение **-ā* в этих двух группах диалектов (если это действительно две группы) произошло по-разному. Так, все працыганские диалекты одинаково добавили к форме прям.мн. существительных женского рода на др.-инд. *-ā >* цыг. \emptyset некоторое новое окончание **ā < (?) -āni* (если так, то оно из среднего рода; древнеиндийское окончание мн. женского рода *-āḥ* дало бы нуль), так что теперь везде имеем, например, *čhib* 'язык', мн. *čhiba* (а не ***čhib < jihvāḥ* 'языки'), однако к существительным мужского рода влашские (особенно северновлашские) диалекты никакого окончания не добавили (поэтому кэлд. ед. = мн. *řom* 'цыган'), а остальные (в разной степени) добавили окончание среднего рода (ср. рцыг. *rom*, мн. *romà*). Можно думать, что это некое довольно древнее явление [Ослон 2012]. Как бы то ни было, относительной хронологии всех этих явлений мы не понимаем, в т.ч. неясно, как с этим вторичным окончанием мн. соотносится общецыганское стяжение *ājā/āja > *ā*. Это стяжение представлено в нескольких словах во всех диалектах, в т.ч. в косв.ед. *da* 'мать' и *čhà* 'дочь'. Если принять, что это фонетическое стяжение, тогда необходимо признать вторичными сев.-влаш. мн. *dejà* 'матери' (не ***da, **d'a*) ~ др. диал.

daja; сев.-влаш. мн. *šejà* ‘дочери’ (не ***šà*) ~ др. диал. *čhaja*. Быть может, тут дело в позднем характере этого вторичного окончания мн., однако на данной стадии мы ничего не знаем. Это рассуждение мы даём здесь ради попытки оценки места в цыганской исторической фонетике расширения указателей *-a*. Если оно позднее, то ожидать в формах на **-āj-ā* стяжения мы не можем. Именно поэтому мы везде имеем формы *aja*, *kadaja* (и нек. влаш. *kadeja*) и т.п. (в центральных диалектах было ещё одно, недавнее, стяжение). Таким образом, система указателей предстаёт как довольно новая, но это как будто противоречит фактам, связанным с влашской перегласовкой. Этот и подобные вопросы нуждаются в дальнейшем выяснении.

Однако в общем и целом наш обзор подтверждает правомерность нашей начальной схемы (см. 1.3), ибо, за вычетом частных, все цыганские диалекты в неё вписываются.

4. Внешняя реконструкция

Единственное, в чём можно усматривать прямое древнеиндийское наследие, — это определённый артикль, который, скорее всего (как это обычно бывает), восходит к древнему указательному местоимению. Для примера приведём парадигму в одном из современных кэлдэрарских говоров [Ослон 2018: 198] — в ней типичным образом совпадают формы м.-косв.ед. и мн. (как и у прилагательных в приемленной препозиции). Все формы, кроме ж.-косв.ед., имеют варианты, находящиеся в морфонологическом распределении (тогда это алломорфы — через знак «:») или в свободном варьировании (колебания — через знак «~»):

	м.ед.	ж.ед.	мн.
прям.	<i>o : ∅</i>	<i>a : j (: i) : ∅</i>	<i>le ~ al (~ *ol³⁹?)</i>
косв.	<i>le ~ al</i>	<i>la</i>	<i>le ~ al (~ ?)</i>

По диалектам эта парадигма несколько различается (часть форм смешивается), но кажется, её можно механически свести к следующей (опускаем детали):

	м.ед.	ж.ед.	мн.
прям.	<i>*o</i>	<i>*e (~ *i?)</i>	<i>*le (~ *el?)</i>
косв.	<i>*le (~ *el?)</i>	<i>*la</i>	<i>*le (~ *el?)</i>

Видно, что формы м.ед.прям. и ж.ед.прям. (но не мн.прям.!) находятся в отношении супплетивизма к остальным клеткам парадигмы. Как мы видели, Я. Матрас выводит все эти формы из некоего **at-*, достигая, путём нерегулярных звукомен, текущего состояния. Естественно, желательно найти лучшее решение.

Интересно, что древнеиндийские указательные местоимения демонстрируют ровно тот же супплетивизм именно в этих формах. Возьмём парадигму *sa(s)* ‘этот’ (выбивающиеся формы подчёркнуты):

39 Артикль *ol*, наряду с *le*, имеется в шведском кэлдэрарском [Gjerdman, Ljungberg 1963: ...]. Возможно, след мн. **ol* (артикль?) можно усматривать в кэлд. ёнешти [Деметер, Деметер 1990] *sol-dùj* ‘оба’ (**sa+ol-duj* букв. ‘все эти два’). Важно, что косв. мог быть без *-e*, так же как *le ~ al*.

	м.	ср.	ж.	
ед.	им.	<i>sá(s)</i>	<i>tád</i>	<i>sá</i>
	вин.	<i>tám</i>	<i>tád</i>	<i>tám</i>
	твор.		<i>téna</i>	<i>táyā</i>
	дат.		<i>tásmai</i>	<i>tásyai</i>
	отл.		<i>tasmāt</i>	<i>tásyās</i>
	род.		<i>tásya</i>	<i>tásyās</i>
	мест.		<i>tásmin, sásmin</i>	<i>tásyām</i>
мн.	им.	<i>té</i>	<i>tāni</i>	<i>tās</i>
	вин.	<i>tān</i>	<i>tāni</i>	<i>tās</i>
	твор.		<i>tébhis, tais</i>	<i>tābhis</i>
	дат.		<i>tébhyas</i>	<i>tābhyas</i>
	отл.		<i>tébhyas</i>	<i>tābhyas</i>
	род.		<i>téṣām</i>	<i>tāsam</i>
	мест.		<i>téṣu</i>	<i>tāsu</i>

Ясно, что косвенные цыганские формы должны выводиться из косвенных древнеиндийских. Однако цыганский переход **-t- > -l-* происходил только между гласными, а не в начале слова (ср. *taloj < tālu* ‘небо’ + какой-то суффикс). Тёрнер искал этому объяснение через особую эволюцию безударных форм [Turner 1928], но Матрас, описав близкородственный цыганскому язык домари, где межгласное **-t- > -r-* [Matras 2012: 64], показал, что в праформе мог быть начальный гласный, так что идея Тёрнера не нужна [Matras 2002: 106]. Вот часть парадигмы ближнего плана в домари [Matras 2012: 218]:

	м.ед.	ж.ед.	мн.	
прям.	<i>aha</i>	<i>ihī</i>	<i>ehe</i>	(у М. «nom.»)
косв.	<i>eras</i>	<i>era</i>	<i>eran</i>	(у М. «acc.»)

Параллельно — дальний план: *uhu, ihī, ehe, ōras, ōra, ōran*. Если и в домари, и в цыганском начальный гласный исконен (но в цыганском пал в части парадигмы), то косвенные формы ближнего плана могут восходить к формам из парадигмы др.-инд. м. *eṣá(s)*, ср. *etád*, ж. *eṣā́* ‘этот’ (ближний план с частицей *e + sa*; склонение точно такое же).

Как видно, в домари тот же супплетивизм (происхождение прямых форм *aha* и т.д. нам неизвестно).

Косвенные формы цыганского артикля тождественны таковым личных местоимений, однако, кажется, в личных местоимениях сохраняются отпавшие в артикле согласные *-s* и *-n*; приводим парадигму в том же кэлдэрарском говоре (ударные формы):

	м.ед.	ж.ед.	мн.
прям.	<i>vò</i>	<i>vòj</i>	<i>vòn⁴⁰</i>
косв.	<i>lès</i>	<i>là</i>	<i>lèn</i>

В среднеиндийском предке цыганского, видимо, имела место аналогия в местоименном

40 В многих диалектах (в т.ч. в кэлдэраских говорах) есть форма *(v)onè* (в т.ч. параллельно с *(v)òn*). Её, вероятно, можно возвести к слабо представленному в древнеиндийском местоимению **enaḥ*, засвидетельствованному в т.ч. в форме мн. *ene* ‘они’. Тогда ситуация та же, что с местоимением *ete* (см. ниже): в зависимости от условий развиваются две формы: с апокопой и без: **en* и **(e)ne*. К обеим слева прибавляется **-o* (см. ниже).

склонении род.ж.ед. *tásyās* ⇒ **tāyāḥ*, ср. *-āyāḥ* склонения существительных на *-ā* (*tr̥ṣṇāyāḥ* ‘жажды, жажде’), см. [Bubenik 1996: 94], а также род.мн. м. *téṣām*, ж. *tāṣām* ⇒ **tānām*, ср. *-ānām* склонения существительных (*devānām* ‘богов’). Таким образом, в цыганском⁴¹:

м.род. *(e)tásya* > м.косв. *les*
 ж.род. *(e)tásyās* ⇒ **(e)tāyāḥ* > ж.косв. *la*
 мн.род. *(e)téṣām* ⇒ **(e)tānām* > мн.косв. *len* (с неясным сокращением **-ā->*-a->-e-*)

Прямая форма множественного числа может восходить прямо к древнеиндийской им.мн.:

мн.им. *(e)té* > мн.прям. *le*

Прямые формы единственного числа в цыганском восходят, конечно, не к *sá*, *sá*, но и не к остальным формам древнеиндийской парадигмы (давшим косвенные). Вслед за Миклошичем (см. сноску 5) прибегаем к наиболее очевидному кандидату на праформы — остаточному засвидетельствованному в древнеиндийском местоимению *avá-* [Барроу 1976: 257]⁴². Его именительные формы дали бы:

м.им. *ava* > **aṁ* > м.прям. *o*
 ж.им. **avi* > **aḥ* > ж.косв. *e* (но неясно *i*)

Если так, то древняя парадигма (древнеиндийского уровня) могла быть такой (с супплетивизмом!):

	м.ед.	ж.ед.	мн.
прям.	<i>*aṁa</i>	<i>*aḥi</i>	<i>*e-te</i>
косв.	<i>*e-tas</i>	<i>*e-tā</i>	<i>*e-tan</i>

Что касается отпадения начального гласного в косвенных формах артикля и личных местоимений, то оно вполне подчиняется правилу синкопы перед сонантами [Ослон рук.-б.], причём в разных ситуациях получилось бы даже мн. **el* (кэлд. *əl*) ~ *le*.

Подобные формы могли присоединяться справа к тому, что мы назвали корнем: **ā* (ближний план) и **ō* (дальний план), типичные в разных вариациях для новоиндийских языков (ср. выше дальний план в домари). Это бы дало **āua* > *av*; **āui* > **āḥi* > *aj* (но во влашском **ej*); **āle* > *al* (?). Подобным образом: **ō* + **aṁa* > *ov* и т.д. (это бы дало личные местоимения).

Возможно, сама несклоняемая форма **ā* сохранилась в составе, например, кэлд. (Швеция) *a-djēs* ‘сегодня’, *a-rəät* ‘этой ночью’ и и.д.

Наряду с этими **ā* и **ō* должны были быть некие **d-ā*, **d-ō*, **k-ā*, **k-ō* с неясными префиксами, в сочетании с которыми справа артикль дал бы указательные местоимения.⁴³

Теперь о *d-* (неконтрастный ряд) и *k-* (контрастный ряд и второй согласный префикс в обоих рядах). Из них *k-* совсем неясно, но совпадает с вопросительным местоимением.⁴⁴ Что касается *d-*, то есть соблазн возвести его всё к тому же *(e)t-*, причём *-t-* > *d-* (а не *l-*) объяснялось бы рано отпавшим *e-*, подобно *bešel* ‘сидит’ < **bajīšadi* < *upaviśati* (если бы *u-* не отпало в нужный момент, было бы ***vešel*).

41 Эти аналогии, возможно, необходимы и для части новоиндийских языков Индостана: без аналогии — хиндустани м.косв. *is* < *etasya*, но с аналогией — мн.косв. *in* < **etānām* [Oberlies 2005: 23].

42 Нам нужен именно именительный падеж, поэтому второй Миклошичев вариант *amu-* нам не подходит, т.к. он фигурирует только в формах местоимения *asau* ‘тот’, но как раз не в м. и ж.им.

43 Может быть, это сочетание неизменяемых местоимений + артикль отражает греческий образец *αὐτός* (‘этот’) + *ὁ* (артикль) + существительное (однако в греческом указатель изменяемый).

44 Может быть, это остаток синтагм вроде **‘Какой? — Этот’*.

Это *d-* (т.е. *da, do*) как отдельное местоимение сохранилось не везде; так, нет его во влашских диалектах. Однако оно, видимо, осталось в кэлдэрарском песенном регистре [Ослон 2018: 895] (см. ещё сноску 26 в этой статье).

В части цыганских диалектов есть также прямые формы личных местоимений на *l-*, употребляемые только как клитики: м. *lo*, ж. *li* (но сев.-влаш. *la*), мн. *le*. Очевидно, они восходят к каким-то формам, содержащим *-t-*, как и косвенные формы указательного местоимения. Матрас их считает старыми личными местоимениями [Matras 2002: 101], что убедительно, но неясно, каково их историческое отношение к обычным (ударным) личным формам, которые мы считаем супплетивными.

Литература

- Барроу 1976: Барроу Т. Санскрит. Перевод с английского Н. Лариной. Редакция и комментарий Т.Я. Елизаренковой. М.: Изд-во «Прогресс», 1976.
- Деметер, Деметер 1990: Р. С. Деметер, П. С. Деметер. Цыганско-русский и русско-цыганский словарь (кэлдэрарский диалект), под редакцией Л. Н. Черенкова. Москва, 1990.
- Кантя 1970: Кантя Г. В. Фолклорос романо. Карта молдовеняскэ, Кишинёв.
- Кепески, Jusuf 1980: Кепески К., Jusuf Š. Romani gramatika. Ромска граматика. Скопје 1980
- Кожанов рук.-а: К.А. Кожанов. Грамматический очерк диалекта цыган-кишинёвцев (рукопись).
- Кожанов рук.-б: К.А. Кожанов. Грамматический очерк языка цыган-сэрвов (рукопись).
- Ослон 2012: Отражение древнеиндийского среднего рода в цыганском // Вопросы языкового родства. № 8. Москва, 2012, с. 93–100.
- Ослон 2014: Михаил Ослон. О неким особинама ромског нагласног система // IWoBA VIII: реферати VIII Међународног скупа о балтословенској акцентологији (Нови Сад 2012). Славистички зборник, нова серија, књига I. Нови Сад, 2014. С. 293–315.
- Ослон 2018: М.В. Ослон. Язык котляров-молдовая. Грамматика кэлдэрарского диалекта цыганского языка в русскоязычном окружении (в печати): [www.romanes.org/pub/Oslon/Oslon М.В. Язык котляров-молдовая.pdf](http://www.romanes.org/pub/Oslon/Oslon%20M.V.%20Язык%20котляров-молдовая.pdf)
- Ослон рук.-а: М.В. Ослон. Короткий опис волоського діалекту циган з м. Рахів (рукопись): [romanes.org/pub/Oslon/Oslon М.В. Короткий опис волоського діалекту циган з м. Рахів.pdf](http://romanes.org/pub/Oslon/Oslon%20M.V.%20Короткий%20опис%20волоського%20діалекту%20циган%20з%20м.%20Рахів.pdf)
- Ослон рук.-б: М.В. Ослон. Историческая фонетика цыганских диалектов (рукопись): [www.romanes.org/pub/Oslon/Oslon М.В. Историческая фонетика цыганских диалектов.pdf](http://www.romanes.org/pub/Oslon/Oslon%20M.V.%20Историческая%20фонетика%20цыганских%20диалектов.pdf)
- Панченко 2013: Панченко Я.А. Изучение влашского диалекта ромского языка поиски и находки. Киев.
- Смирнова-Сеславинская, Цветков 2009: Смирнова-Сеславинская М.В., Цветков Г.Н. Грамматика цыганского языка (кэлдэраря и ловаря на основе языка ловаря). Межкультурная русско-цыганская коммуникация. Пособие для учителей общеобразовательных учреждений. Москва, 2009
- Торопов 2003: В. Г. Торопов. Словарь языка крымских цыган. Москва, 2003.
- Черенков 2008: Черенков Л.Н. Диалект цыган-ришяров. Материалы доклада на 8-й международной конференции по цыганскому языкознанию (4–6 сентября 2008, С.-Петербург).
- Baghbidi 2003: Baghbidi H.R. The Zargari language. An endangered European language in Iran // Romani Studies 5, Vol. 13, No 2 (2003), 123–148
- Baranja 2013: Baranja Samanta. Amari čhib. Naš jezik. Slovnicna prekmurske romščine. Ljubljana
- Beníšek 2017: Beníšek Michael. Eastern Uzh varieties of North Central Romani. Východoužské variety severocentrální romštiny. Disertační Práce. Praha
- Bhatia 1963: Bhatia Rishi Gopal. A Gypsy Grammar. A dissertation in linguistics. University of Pensilvania.

- Bodnárová 2009: Bodnárová Zuzana. Gramatický náčrt romského dialektu maďarské obce Versend. Diplomová práce. Praha, 2009
- Bodnárová 2015: Bodnárová Zuzana. Vend Romani: a Grammatical Description and Sociolinguistic Situation of the so-called Vend dialects of Romani. Vendština: gramatický popis a sociolingvistická situace tzv. vendských dialektů romštiny. Disertační práce. Praha.
- Boretzky 1986: Boretzky Norbert. Zur Sprache der Gurbet von Priština // Giessener Hefte für Tsiganologie 311-4, 195-216.
- Boretzky 1993: Boretzky Norbert. Bugurdži, deskriptiver und historischer Abriß eines Romani-Dialekts //
- Boretzky 1994: Boretzky Norbert. Romani: Grammatik des Kalderaš-Dialekts mit Texten und Glossar // Norbert Boretzky. Berlin, 1994.
- Boretzky 1996: Boretzky Norbert. Arli: Materialien zu einem südbalkanischen Romani-Dialekt // Grazer Linguistische Studien 46 (Herbst 1996)
- Boretzky 1998: Boretzky Norbert. Erli. Eine Bestandsaufnahme nach den Texten von Gilliat-Smith // Studii Romani, Vol. V-VI, 122-160.
- Boretzky 1999a: Boretzky Norbert. Die Verwandtschaftsbeziehungen zwischen den Südbalkanischen Romani-Dialekten – Mit einem Kartenanhang. Frankfurt-am-Main.
- Boretzky 1999b: Boretzky, N. Die Gliederung der Zentralen Dialekte und die Beziehungen zwischen Südlichen Zentralen Dialekten (Romungro) und Südbalkanischen Romani-Dialekten // Halwachs, D. & F. Menz (eds.), *Das österreichische Romani im europäischen Kontext*, 1999, 210–276.
- Boretzky 2000: Boretzky Norbert. The definite article in Romani dialects // Viktor Elšík & Yaron Matras (eds.), *Grammatical Relations in Romani. The Noun Phrase. (Current Issues in Linguistic Theory, 211.)* Amsterdam: Benjamins, 31–63.
- Boretzky 2003: Boretzky Norbert. Die Vlach-Dialekte des Romani. Strukturen – Sprachgeschichte – Verwandtschaftsverhältnisse – Dialektkarten. Wiesbaden, 2003.
- Boretzky, Cech, Iгла 2008: Boretzky N., Cech P., Iгла B. Die Südbalkanischen Dialekte (SB1) und ihre innere Gliederung. Analyse und Karten. Graz, 2008
- Bubenik 1996: Vit Bubenik. *The Structure and Development of Middle Indo-Aryan Dialects*. Delhi.
- Bourgeois 1911: Bourgeois Heinrich. *Kurze praktische Grammatik der mitteleuropäischzigeunerischen Sprache*
- Calvet, Delvoye, Labalette 1970: Calvet Georges, Delvoye Françoise, Labalette Michèle. *Abrégé grammatical du dialecte manuš // Etudes Tsiganes n°1/1970, pp. 69–79*
- Calvet 2009: *Dictionnaire tsigane-français, dialecte kalderash*. Paris 2009.
- Cech 2006: Cech Petra. *Dolenjska Romani: The dialect of the Dolenjski Roma in Novo Mesto and Bela Krajina, Slovenia*. Lincom Europa, München
- Cech, Heinschink 1999: Cech Petra, Heinschink Mozes F. *Sepečides-Romani: Grammatik, Texte und Glossar eines türkischen Romani-Dialekts*
- Constantinescu 1878: Constantinescu Barbu. *Probe de limba și literatura țiganilor din România*. București.
- Constantinescu 2016: Constantinescu Barbu. *Cântece țigănești. Romané ghilea*. ed. critică, introducere, traducere în limba engleză, tabel cronologic, index și bibliografie de Julieta Rotaru; pref.: Viorel Cosma. București
- Elšík 2000: Elšík Viktor. *Dialect variation in Romani personal pronouns // Viktor Elšík & Yaron Matras (eds.), Grammatical Relations in Romani. The Noun Phrase. (Current Issues in Linguistic Theory, 211.)* Amsterdam: Benjamins, 95–12
- Elšík, Hübschmannová, Šebková 1999: Elšík Viktor Milena Hübschmannová, Hana Šebková. *The Southern Central (ahi-imperfect) Romani dialects of Slovakia and northern Hungary // Dieter Halwachs & Florian Menz (Hrsg.), Das österreichische Romani im europäischen Kontext*. Klagenfurt, 1999.
- Finck 1903: Finck F. N. *Lehrbuch des Dialekts der Deutschen Zigeuner*. Marburg
- Gjerdman, Ljungberg 1963: *The language of the Swedish coppersmith gipsy Johan Dimitri Taikon; grammar, texts, vocabulary and English word-index / by Olof Gjerdman and Erik Ljungberg*. Uppsala, 1963.
- Granqvist 2009: Granqvist Kimmo. *Demonstratives in Romani – A Minimalist account // Biolinguistica Fennica Working Papers 1 (2009) 105–116*.
- Granqvist 2011: Granqvist Kimmo. *Suomen romanin äänne- ja muotorakenne*. Helsinki

- Halwachs, Wogg 2002: Halwachs D.W., Wogg M. Grammatik des Burgenland Romani (Roman). Arbeitsbericht 9 des Romani-Projekts
- Holzinger 1993: Holzinger Daniel. Das Romanes: Grammatik und Diskursanalyse der Sprache der Sinte. Innsbruck: Institut für Sprachwissenschaft der Universität Innsbruck, 1993
- Igla 1996: Igla Brigit. Das Romani von Aija Varvara. Deskriptive und historisch-vergleichende Darstellung eines Zigeunerndialekts. Wiesbaden
- Ješina 1882: Ješina Josef. Romáňi čib čili jazyk cikánský. Praha.
- Ješina 1886: Ješina Josef. Romáňi čib oder die Zigeuner-Sprache (Grammatik, Wörterbuch, Chrestomathie). Leipzig: List and Francke.
- Kalina 1882: Kalina Antoine. La langue des Tziganes slovaques. Posen.
- Kozhanov рук.-в: Kirill Kozhanov. Russian Romani (рукопись).
- Kozhanov рук.-г: Kirill Kozhanov. Grammar of the Plašuna dialect (рукопись).
- Lee 2005: Ronald Lee. Learn Romani. Das-Dúma Rromanes. Toronto, 2005.
- Lee 2010: Ronald Lee. Rromano Alavari: Kalderashitska-Inglezitska. Kalderash-English Dictionary. Toronto, 2010
- Leggio 2011: Leggio Daniele Viktor. The dialect of the Mitrovica Roma // Romani Studies 5, Vol. 21, No. 1 (2011), 57–114
- Lindel, Thorbjörnsson-Djerf 2008: Lindell Lenny, Thorbjörnsson-Djerf Kenth, Carling Gerd. Ordbok över svensk romani. Resandefolkets språk och sånger. Stockholm, 2008.
- Lípa 1963: Lípa, Jiří. Příručka cikánštiny. Praha: Státní pedagogické nakladatelství.
- Mānušs 1997: Mānušs Leksa, Neilands Jānis, Rudevičs Kārlis. Čigānu–latviešu–angļu etimoloģiskā vārdnīca un latviešu–čigānu vārdnīca. Rīga, 1997.
- Matras 1994: Yaron Matras. Untersuchungen zu Grammatik und Diskurs des Romanes - Dialekt der Kelderasa/Lovara. Wiesbaden.
- Matras 1998: Yaron Matras. Romani. Deixis and deictic oppositions in discourse: evidence from Romani. Journal of Pragmatics 29-4, pp. 393–428.
- Matras 1999: Yaron Matras. The Speech of Polska Roma // Journal of the Gypsy Lore Society V, 9:1. 1–28.
- Matras 2000: Matras Yaron. The structural and functional composition of Romani demonstratives. In Viktor Elšík & Yaron Matras (eds.), Grammatical Relations in Romani. The Noun Phrase. (Current Issues in Linguistic Theory, 211.) Amsterdam: Benjamins, 95–12
- Matras 2002: Yaron Matras. Romani. A linguistic introduction. Cambridge.
- Matras 2003: Yaron Matras. Romacilikanes — The Romani dialect of Parakalamos // Romani Studies 5, Vol. 14, No 2 (2003). 59–109.
- Matras ????: Yaron Matras. The classification of Romani dialects: A geographic-historical perspective ????
- Matras 2012: Yaron Matras. A Grammar of Domari. Berlin/Boston.
- Matras 2013: Yaron Matras. Mapping the Romani dialects of Romania // Romani Studies, Volume 23, Number 2, December 2013, pp. 199–243.
- Mészáros 1976: Mészáros G. The Cerhāri Gipsy dialect // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae, Vol. 30, No. 3 (1976), pp. 351-367
- Miklosich I–XII: Miklosich Franz Xaver Ritter von. Über die Mundarten und Wanderungen der Zigeuner Europas, 12 Tle // Wien, 1872–80.
- Minkov 1997: Minkov Michael. A concise grammar of West Bulgarian Romani // Journal of the Gypsy Lore Society V, 7:2: 55-95.
- Oberlies 2005: Oberlies Thomas. A historical grammar of Hindi. Graz.
- Oslon 2016: Mikhail Oslon. Jek pušimos la istorijaka fonetikako la kēldēraricko šibaki: le vokalongē žutengi e : ê aj i : î distribucija // Kirill Kozhanov, Mikhail Oslon, Dieter W. Halwachs (ped.). Das amen godi pala Lev Čerenkov. Romani historija, čhib taj kultura. Graz: GLM, 2017. C. 325–338.
- Paspati 1870: Paspati Alexandre. Études sur les Tchinghamiés; ou, Bohémiens de l'Empire ottoman. Constantinople, 1870.
- Pobožniak 1964: Pobožniak Tadeusz. Grammar of the Lovari dialect
- Romlex: Romlex. Lexical Database: romani.uni-graz.at/romlex.
- Rozwadowski 1936: Rozwadowski Jan M. Wörterbuch des Zigeunerndialekts von Zakopane. Słownik cyganów z Zakopanego. Kraków 1936
- Sampson 1926: John Sampson. The Dialect of the Gypsies of Wales Being the Older Form of

- British Romani preserved in the Speech of the Clan of Abram Wood. Oxford University Press, 1926.
- Sechidou 2011: Sechidou Irene. *Balkan Romani – The dialect of Ajjios Athanasios*. München
- Sowa 1887: v. Sowa, Rudolf. *Die Mundart Der Slavakischen Zigeuner*. Vandenhoeck und Ruprecht
- Sowa 1893: v. Sowa, Rudolf. *Die mährische Mundart der Romschprache // Jahres-Bericht des ersten deutschen k. k. Gymnasiums in Brünn für das Schuljahr 1892/93*. Brünn. 1–19.
- Tenser 2005: Tenser Anton. *Lithuanian Romani [Languages of the world: Materials, 452]* Lincom Europa, 2005
- Tenser 2008: Tenser Anton. *Northeastern group of Romani dialects. A thesis submitted to The University of Manchester for the degree of PhD in the Faculty of Humanities*. 2008
- Toropov 2009: *Crimean Roma. Language and Folklore / V. G. Toropov. Ivanovo, 2009.*
- Tcherenkov 1999: Tcherenkov Lev. *Eine kurzgefasste Grammatik des Russischen Kalderaš-Dialekts des Romani // Grazer Linguistische Studien 51 (Frühjahr 1999)*. Graz, 1999.
- Turner 1928: Turner R. L. *Romani les and Sanskrit tásya // Bulletin of the School of Oriental Studies, University of London, Vol. 5, No. 1 (1928)*, 43–51.
- Valtonen 1972: Valtonen Pertti. *Suomen murtalaškielen etymologinen sanakirja*. Tietolipas 69. Helsinki, 1972.
- Vekerdi 1971: Vekerdi J. *The Gurvári Gipsy Dialect in Hungary. Acta orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae XXIV (3) 1971: 381-389*
- Vekerdi 1984: Vekerdi, J. *1984 the Vend Gypsy dialect in Hungary // Acta linguistica hungarica 34/1-2: 65-86*
- Wagner 2011: Wagner Peter. *A Grammar of North West Lovari Romani. Dizertační práce*. Praha, 2012.
- Windfuhr 1970: Windfuhr, Gernot L. *European Gypsies in Iran: A First Report // Anthropological Linguistics 12: 271-292.*
- Αλεξίου: Αλεξίου Ιωάννης Γ. *Λεξικό της Ρομανί γλώσσας (ελληνορομανό)*. *Электронное издание: www.repository.edulll.gr/edulll/retrieve/2350/692.pdf*.

НАЙТИ:

- Franzese 1985: Franzese, Sergio. *Il dialetto dei Sinti Piemontesi: note grammaticali e glossario*. Torino: Centro Studi Zingari.
- Franzese 1986: *Il dialetto dei rom Xoraxané : note grammaticali, glossario*
- Hübschmannová, Šebková, Žigová 1991: *Romsko-český a česko-romský slovník*. Prague: SPN.
- Tálos 1988: Tálos Endre. *The language of Mihály Rostás // Kovalcsik, K. (ed.): Mihály Rostás, a Gypsy storyteller. Hungarian Gypsy Studies 5. MTA Néprajzi Kutatócsoport, Budapest.*
- Görög 1985: Görög Veronika (ed.). *Tales of János Berki told in Gypsy and Hungarian*. Budapest.